

ВЛАДИМИР ГРИНЬКОВ

**Я – ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ.
ЗА ПРИГОРШНЮ БАКСОВ**

ИДДК

Я – телохранитель

Владимир Гриньков

**Я – телохранитель. За
пригоршню баксов**

«ИДДК»

2011

Гриньков В. В.

Я – телохранитель. За пригоршню баксов / В. В. Гриньков —
«ИДДК», 2011 — (Я – телохранитель)

У телохранителя Китайгородцева – новый подопечный. И это очень необычный человек. Композитор, богемный персонаж, завсегдатай звёздных тусовок. В его жизни есть то, о чём большинству людей остаётся только мечтать: деньги, роскошная машина и даже влюблённая в него настоящая немецкая принцесса. И не сразу и поймёшь – телохранитель этому счастливому человеку понадобился только для форсу, или там есть какая-то опасность, о которой Китайгородцев пока просто не догадывается?

Владимир Гриньков

Я – телохранитель. За пригоршню баксов

© Гриньков Владимир

© ИДДК

Содержание цикла "Я – телохранитель":

Киллер к юбилею
Заказ на олигарха
Забыть убийство
За пригоршню баксов

* * *

Телохранитель Китайгородцев: «Таких клиентов у меня никогда прежде не было. То, что предстоит нечто необычное, я понял сразу, едва только этого человека увидел. В нем напрочь отсутствовали как чванливая сухость наших доморощенных миллионеров, так и вульгарность затянутых в тысячедолларовые пиджаки богатеев на час. “Марецкого ты узнаешь сразу”, – сказал мне шеф, отправляя на эту встречу. Как в воду глядел. Представьте себе столичную Триумфальную площадь. Площадь, конечно, так себе, ничего особенного, но название – Триумфальная! Лето, солнце, бледно-голубое небо, воздух над десятиmillionным городом дрожит. У ослепительно серебристого роскошного “мерседеса”, каких на всю Москву штук пять, не больше, стоит человек с лицом античного бога, в вызывающе стильном костюме цвета сливок и такого же цвета шляпе. Шляпа широкополая, края ее с нарочитой небрежностью подогнуты, из нагрудного кармана пиджака торчит столь же небрежно смятый угол шёлкового синего платка – ну вы видели подобных красавчиков в голливудских фильмах пятидесятых. Вылитый Грегори Пек, каким-то чудом из “Римских каникул” ступивший на московскую мостовую».

– Вы Марецкий? – спросил я.

– Да.

Кто бы сомневался!

– Я полностью в вашем распоряжении.

– Так вы и есть мой телохранитель?

– Да, зовут меня Анатолий. Фамилия Китайгородцев.

– У меня никогда не было телохранителей, – сказал Марецкий.

Я так и не понял, с какой интонацией он произнёс эту фразу. Может, удивлялся, почему раньше не догадался нанять телохранителя?

– Поехали! – сказал Марецкий. – Ты не возражаешь, если мы будем на «ты»?

– Не возражаю.

– Это хорошо. Я люблю, когда между своими всё по-простому, без пафоса.

Вот так, всего одной фразой, он дал понять, что мы с ним уже почти друзья.

Сели в «Мерседес», где в прохладном воздухе салона плыли волшебные звуки чарующей музыки.

– У меня есть только один недостаток, – сообщил Марецкий. – Я слушаю очень много музыки. Не всегда это нравится окружающим. Но это необходимо, пойми. Издержки профессии. Ты как?

– Без проблем.

– Это радует. Ты, кстати, давно в телохранителях?

– Несколько лет.

– Оружие есть?

– Есть.

– Покажи.

Я отогнул полу пиджака и продемонстрировал ему плечевую кобуру с пистолетом.

– Газовый? – осведомился Марецкий.

– Нет, настоящий.

– Это хорошо. Тогда сейчас поедem, и ты застрелишь одного типа. Я давно хотел его убить.

* * *

Для Китайгородцева всё началось утром того же дня. Его вызвал к себе Роман Александрович Хамза, директор охранного агентства «Барбакан», и сразу спросил:

– Тебе знакома фамилия Марецкий?

– Марецкий? – приподнял бровь Китайгородцев.

Что-то знакомое. Из разряда тех фамилий, которые все слышали хотя бы раз в жизни, но в первый миг нет озарения узнавания, а одна лишь секундная оторопь – кто это такой?

– Музыка Игоря Марецкого, слова Ильи Резника, – голосом конферансье произнёс Хамза, тем самым давая возможность вспомнить.

– Композитор, что ли?

– Ну! – сказал Хамза. – Ты нашу эстраду любишь?

– Я вообще-то не очень, если честно...

– Это уже твои проблемы, Толик, – засмеялся Хамза. – Есть заказ, и его надо выполнять.

Так что окунёшься с головой в жизнь нашей эстрадной тусовки.

– Чей заказ?

– Марецкого.

– С каких это пор композиторы стали себе телохранителей нанимать?

– Про телохранителей композиторов мне прежде слышать не доводилось, – признался Хамза. – Но у эстрадных звёзд охрана есть, ты это знаешь не хуже меня.

– У него возникли какие-то проблемы?

– Говорит, что нет.

– «Говорит»? – переспросил Китайгородцев.

– Мы как могли перепроверили, конечно, информацию. Ничего особенного вокруг Марецкого не происходит. Про угрозы в его адрес никто не слышал; долгов, за которые могут убить, у него нет; конкурентная борьба в нашем шоу-бизнесе в основном сводится к взаимному обливанию помоями через прессу, поэтому и тут ничего подозрительного. Конечно, всякое бывает. Вспомни, как иногда клиенты рвут на груди рубаху, клянутся, что проблем у них никаких нет, а телохранителя нанимают только потому, что это модно. А спустя месяц выясняется, что проблемы всё-таки есть и клиент помалкивал о них в надежде, что как-нибудь оно само собой рассосётся. Но тут, как мне кажется, не та история. Я надеюсь на тебя. Пообщаешься с ним, присмотришься, разберёшься на месте, для чего ты ему вдруг понадобился.

– Какой режим охраны?

– «Личка». Будешь сопровождать повсюду.

– Кто у меня на подмене?

– Никого, Толик. Марецкий сказал, что не хочет, чтобы люди менялись. Так что на всё время, которое предусмотрено договором, ты с ним сроднишься и станешь членом его семьи. Братом, к примеру.

– А на какой срок заключён договор?

– Конечная дата не определена. Марецкий сам поставит в известность, когда надобность в охране отпадёт.

– А ведь кто-то из наших с эстрадными звёздами дело имел, – вспомнил вдруг Китайгородцев.

– Костюков.

– Я с ним поговорю.

– Правильно, – одобрил Хамза. – Он просветит тебя, расскажет о нравах этой публики. Помнится, он был не в восторге. Ему даже физиономию там подпортили. После этого он сказал, что лучше охранять уже заказанного недругами банкира, чем связываться с нашими эстрадными звездами, прости господи!

* * *

– Толик! Я тебе искренне сочувствую! – первым делом сказал Костюков. Раны на его лице давным-давно зажили, но душа страдала до сих пор. – Более бестолковой клиентуры я не видел. Они же все личности творческие...

Последние два слова Костюков произнес с такой убийственной интонацией, что сразу стало ясно, как он относится к людям, с которыми не так давно сталкивался по долгу службы.

– Впечатлительные, легкоранимые. У них там всё на понтах: днём целуются, вечером на презентации бьют друг друга по физиономии, и всё это с истерикой, на соплях, как в самодеятельном театре. Поводы для ссор – как в детском саду: кого каким номером в концерте поставят, кто про кого что сказал – и всё это всерьёз, всё обсуждается, принимается близко к сердцу. Певец Петров сказал, что певец Сидоров – полное фуфло. Всё! Вражда навек! Возможно, даже до рукоприкладства дойдёт и телохранителю придётся их растаскивать. Потом ещё фанаты... Это отдельная песня...

Костюков вздохнул и непроизвольно ощупал своё успевшее зажить лицо.

– Если у попсы нашей всё на истерике, то фанаты – те вообще психи отмороженные. Вот от них, кстати, исходит самая большая опасность, ты это учти. Между пришедшим на концерт поклонником певца и дежурящим у подъезда фанатом огромная разница. Поклонник ведёт себя более-менее мирно, от него вся угроза – это брошенный на сцену букет цветов. Даже если попадёт в твоего подопечного – и синяка не останется. А фанаты не любят, а преклоняются. А где преклонение, там вера. Где вера, там психоз. Где психоз, там всё что хочешь. Неспроста великих музыкантов убивают их ярые фанаты. Спроси у этого идиота, зачем убил. Не объяснит. Потому что психоз объяснить невозможно. Сплошная патология. Вот он рвётся, к примеру, всего лишь за тем, чтобы взять у звезды автограф. Это он так думает – за автографом. А на самом деле ему надо просто дотянуться до своего божества. Ну, ладно, дотянулся. Но тут такое начинается! Рубаху на твоём клиенте рвёт, за волосы норовит оттаскать, часы с руки срывает. Твой клиент в шоке, у тебя самого вся рожа расцарапана – и ничего с этим не поделаешь.

Костюков ещё больше запечалился.

– Ну, у моего-то фанатов нет, – сказал Китайгородцев. – Он у меня не певец. Композитор. Игорь Марецкий. Слыхал?

– Я его даже видел несколько раз. У них тусовка тесная, все друг друга знают. Ничего себе такой мужик, при деньгах. А то, что фанатов отмороженных у него нет, пусть тебя не расслабляет. У них образ жизни такой, что и за ними глаз да глаз нужен.

* * *

Марецкий водил машину так, словно ему совсем не было жаль тех ста тысяч долларов, которые это чудо на колесах стоило. Он лавировал в потоке машин с лихостью профессионального гонщика, обгонял, подрезал, вклинивался в узкие просветы между другими машинами, и почти всегда при этом стрелка спидометра плясала вокруг цифры 100. Китайгородцев попытался вмешаться.

– Так не пойдёт, – сказал он. – О безопасности тут нет и речи.

– Ты о чём? – осведомился Марецкий, направляя машину по разделительной полосе.

– Я о стиле вождения.

– Это не твоя забота.

– Моя, – сказал Китайгородцев. – Я отвечаю за безопасность клиента. В том числе и за его безопасность на дороге. Если хотите, я могу сесть за руль.

Навстречу им, тоже по разделительной полосе, мчался черный внедорожник. Они разошлись в последний миг, едва не чиркнув бортами.

– Остановитесь! – потребовал Китайгородцев.

– Ты знаешь, что в подобных случаях говорит наша эстрадная примадонна? «Не бзди, прорвёмся!»

– Остановите машину!

– Ну, хорошо, – примирительно сказал Марецкий.

Чтобы продемонстрировать, что ссориться не собирается, он сбросил скорость и встроился в общий поток.

– И ты хочешь, чтобы мы вот так ползли? – спросил с досадой Марецкий.

– Я хочу, чтобы мы добрались до места назначения.

– Хорошо. Принимается. Но за тобой должок. Ты понял?

Китайгородцев не стал перечить.

– То-то же, – удовлетворился его покладистостью Марецкий. – Только не забудь про должок.

Подъехали к ресторану, в котором Китайгородцеву еще не доводилось бывать. Слишком рано: ресторанный вечер ещё не начался, автомобильная стоянка перед входом пустынна.

– Это здесь, – сказал Марецкий. – Ты обедал?

– Нет.

– Значит, пообедаем. У них тут классные стейки, каждый весом в полкило. Ты не вегетарианец, случайно?

– Нет.

– Это хорошо. А то у нас почти все на каких-то дурацких диетах да на таблетках. Ларик вон даже пилюли специальные рекламирует.

– Какой Ларик? – не понял Китайгородцев.

– Лариса Долина. Хотя ей, кажется, пошло на пользу. И постройнела... И муж у неё теперь новый... И вообще...

За дверями ресторана обнаружился дюжий охранник. Едва завидев Марецкого, он сделал шаг вперед. Лицо при этом было хмурое – первейший признак близких неприятностей, у Китайгородцева на подобные вещи был профессиональный нюх. И дальше он всё делал как положено: прикрыл Марецкого собой, встав на пути охранника непреодолимой преградой. Ситуация ещё не прояснилась, но клиента он уже прикрывал. Охранник распознал в Китайгородцеве достойного противника и остановился на полпути, но тут из-за спины Китайгородцева раздался капризный и кровожадный голос Марецкого:

– Толик! Застрели его! Достань свой «маузер» и продырявь ему башку! Нет, я сам! Дай я его грохну!

Он внезапно полез Китайгородцеву под пиджак, полы которого распахнулись, обнажая кобуру и матовую оружейную сталь. Китайгородцев отстранил своего беспокойного подопечного, но охранник уже успел «сфотографировать» оружие и напрягся.

– Ладно, я тобой ещё разберусь! – пообещал Марецкий.

Развернулся и с видом победителя прошёл в ресторанный зал.

Здесь было пустынно и тихо, посетителей в столь ранний для ресторанной жизни час явно не ждали. С таким же успехом, наверное, можно было прийти в час ночи в какую-нибудь сберкасса, чтобы заплатить за квартиру и коммунальные услуги. Но Марецкого безжизненный вид ресторана не обескуражил, он сел за один из столиков, произведя при этом немалый шум, и на тот шум из дверей кухни тотчас выскочил какой-то человек. Увидев Марецкого, человек изменился в лице и выкрикнул, срываясь на фальцет:

– Не обслуживаем!

– Водки, милейший! – потребовал Марецкий, будто не слыша.

А человек уже мчался через весь зал к столу, за которым сидели Марецкий и Китайгородцев. Добежал, опёрся на стол руками, впился в Марецкого взглядом, словно гипнотизируя, и сказал:

– Не работаем! Закрыто! Технологический перерыв! Санитарный час! Ушла на базу! Еду в парк! Всё что хотите, но мы сегодня не обслуживаем!

Похоже, что у Марецкого здесь была не самая лучшая репутация.

Марецкий несколько не расстроился. Достал из кармана своего роскошного пиджака трубку мобильного телефона, с невозмутимым видом, не обращая ни малейшего внимания на своего оппонента, набрал номер, сказал в трубку томным голосом человека, не понаслышке знающего, что такое жизнь «творческой личности»:

– Алло! Здравствуйте, Машенька! Это Марецкий. Машенька, вам несказанно повезло. У меня вдруг, совершенно неожиданно, открылось окно, так что интервью я вам всё-таки дам. У нас с вами есть два часа, и если вы подъедете прямо сейчас... Я в ресторане «Кахетия». Знаете, где это? Ничего удивительного. Дыра дырой. Я и сам узнал про эту забегаловку совсем недавно. Но если уж я тут случайно оказался, так давайте тут и встретимся. Это на проспекте Мира...

Китайгородцев видел багровое лицо ресторанный человека и понимал, что ни с кем тут Марецкий не встретится, ему просто не позволят здесь находиться, но сам Марецкий, наверное, думал иначе. Он с прежним невозмутимым видом продиктовал собеседнице координаты своего местонахождения, спрятал телефонную трубку в карман и только после этого сказал, обращаясь к человеку с багровым лицом:

– Маша Мостовая, журналистка. Ты газету «Московский комсомолец» хотя бы иногда почитываешь? Сейчас Маша приедет сюда, и я буду давать ей интервью. Тебе как предпочтительнее: чтобы я о твоём заведении просто промолчал или гадостей бы наговорил про эту твою «Кахетию»? Ресторану нужна реклама такого рода?

И посмотрел почти ласково. Его собеседник побагровел ещё больше, судорожно вздохнул, будто хотел что-то сказать, но ничего не сказал, развернулся и ушёл, а через минуту в зал вышел официант.

Марецкий победил.

Заказали водки для Марецкого и сок для Китайгородцева, ещё попросили официанта принести какой-нибудь салатик – это тоже для Марецкого. Официант обслуживал их споро, но с какой-то настороженностью и скованностью, из чего Китайгородцев окончательно заключил: не любят здесь Марецкого, опасаются. А тот был невозмутим и явно не тяготился жизнью. Откинулся на мягкую спинку стула, посматривая вокруг взглядом, заметно подобревшим после первых ста пятидесяти граммов выпитой водки.

– Давно ты в телохранителях? – спросил без любопытства.

Скучал человек. Надо же хоть о чём-то поговорить, время занять – вот он и спросил. Так, по крайней мере, это выглядело со стороны.

– Давно, – ответил Китайгородцев.

– Нравится?

– Вполне.

– Зарабатываешь много?

– Хватает.

– Чего ты скучный такой? – засмеялся Марецкий. – Отвечаешь как по учебнику. Ты мне скажи – в переделках бывал?

– Бывал.

– Ну, и как оно?

– Нормально.

– Вот я и говорю! – еще больше развеселился Марецкий. – Из тебя слова не вытянешь! А мне в подробностях интересно. Рассказывай – на твоего клиента хотя бы раз покушались?

– Да.

– Так-так! – оживился Марецкий. Торопливо плеснул в свою рюмку водки, но не выпил, рюмку зажал в руке, а сам посмотрел на собеседника озорным взглядом, который просто лучился ожиданием интересных и чертовски завлекательных подробностей. – И что же ты сделал с покушавшимся?

– Убил.

Марецкий ещё продолжал улыбаться, но в глазах уже не было озорного веселья, а ещё через пару мгновений он обнаружил в своей руке рюмку с водкой и поспешно поставил её на стол.

– Шутишь? – спросил неуверенно.

– Нет.

Да уж, конечно, какие тут шутки.

Дальнейшая трапеза проходила в полной тишине. Китайгородцев молча потягивал сок. Марецкий с задумчивым видом пил водку. Он здорово нагрузился бы в течение ближайших тридцати или сорока минут, если бы не появление в зале ресторана тоненькой, как тростинка, девушки в коротком платьице и со столь же коротким хвостиком русых волос. Она была похожа на человека, только этим летом распрощавшегося со средней школой. Юна, застенчива и пуглива. Марецкий встретил её взглядом опытного дрессировщика, примеряющегося, с чего бы начать процесс приручения новой подопечной. Он не поднялся, чтобы поприветствовать даму, лишь коротко кивнул и произнёс:

– Рад вас видеть.

Судя по всему, это и была Маша Мостовая. Из своей нелепой девичьей сумочки Маша извлекла неновый диктофон, из чего Китайгородцев сделал вывод, что сей предмет одолжен на время у старших, более опытных коллег по журналистскому цеху. Ещё появился маленький блокнотик и гелевая ручка, купленная по случаю в магазине канцтоваров за шесть рублей. Маша с таким тщанием, почти детским, всё проделывала, что не оставалось никаких сомнений – волнуется донельзя, тянет время, чтобы хоть немного освоиться в новой обстановке. Китайгородцев никогда прежде не встречал таких застенчивых журналистов. И подвыпивший Марецкий всё прекрасно понимал. Смотрел на девушку с прищуром. Под этим взглядом она, кажется, терялась ещё больше.

Наконец осмелилась поднять глаза на сиятельного Марецкого и спросила неуверенно:

– Начнём?

В ответ Марецкий благосклонно кивнул. Он был похож на многое познавшего в этой жизни мэтра, готового передать свои знания поколению молодых, еще не оперившихся птенцов-последователей.

Маша щёлкнула кнопкой диктофона.

– Игорь Александрович! – произнесла она почти торжественно. – Что для вас музыка?

Китайгородцеву показалось, что во взгляде Марецкого промелькнула усмешка, но ответил он серьезно:

– Музыка – это философия. Да-да, именно философия, – проявил настойчивость Марецкий, будто с ним кто-то пытался спорить. – Потому что философия – это прежде всего объяснение жизни. А музыка как раз и объясняет нам самих себя. Объясняет то, что творится в душах людей. Она звучит внутри нас, она – часть нас самих, она и есть наша сущность...

Он сделал паузу. И Маша, и Китайгородцев ждали продолжения. Но Марецкий вдруг спросил у девушки:

– Вам действительно хочется слушать всю эту ахинею?

Маша вздрогнула и покраснела. Растерялась, не зная, что ответить.

– Ну что за вопросы такие? – вздохнул Марецкий и печально посмотрел на собеседницу. – Что для вас музыка? Каковы ваши творческие планы? Над чем вы сейчас работаете? Это же все бред, Машенька. Вы где учились журналистике?

– МГУ, – едва слышно ответила девушка, краснея уже до свекольного цвета. – Факультет журналистики.

– Так, понятно, – взял инициативу в свои руки Марецкий. – В любом случае выкиньте из головы все вопросы, которые вы заготовили заранее. Оставьте только то, о чём хотели бы меня спросить, но боялись. Или стыдились.

Он широко улыбнулся, давая понять, что сердиться не будет. Позвал официанта.

– Нам вина для девушки. Машенька, вам белого или красного? А, ладно, красного. Потом ещё мясного чего-нибудь. Маша, вы не вегетарианка, случайно? Нет? Вот и славно. Значит, мясного чего-нибудь. Салат – такой же точно, как мне принёс. И вот грибы ещё у вас хорошо готовят. Грибы есть? Неси! Так вот насчет интервью, – это уже Маше. – Давайте что-нибудь живенькое соорудим, а? Ну, например, такой вопрос: музыка эротична?

Маша снова покраснела.

– Вы вообще откуда? – спросил у нее Марецкий. – Ведь не из Москвы, верно?

– Из Торжка.

– Господи, славно-то как – из Торжка! – почему-то обрадовался Марецкий.

Он уже прилично выпил, и градус его настроения стремительно рвался ввысь.

– Итак, об эротичности музыки. Знаете ли вы, милая моя Маша, что когда женщина говорит мужчине «да», в пятидесяти восьми процентах случаев, согласно статистике, при этом звучит музыка?

Официант принес вино, налил в бокал, который поставил перед девушкой. Марецкий с готовностью поднял свою рюмку:

– За вас, Маша!

У него был пьяный и жадный взгляд.

В ресторанном зале появилось ещё одно действующее лицо. Пришёл молодой парень и занялся музыкальной аппаратурой, которой был уставлен небольшой пятачок почти игрушечной сцены. Китайгородцеву пришлось развернуться и сесть иначе, чтобы держать парня в поле своего внимания.

– Музыка – это жизнь, Машенька, – продолжал опутывать словесами свою собеседницу Марецкий. – Невозможно заниматься этим делом с восьми до семнадцати с часовым перерывом на обед. Этим надо жить. Этой атмосферой надо пропитываться. Кстати, хотите?

– Чего? – обмерла Маша.

Марецкий засмеялся, набрал какой-то телефонный номер.

– Гриша, привет! Это Марецкий. Что делаешь? Ну, это пустое, брат. С утренней головной болью надо бороться. Приезжай ко мне. Я в «Кахетии».

Продиктовал адрес.

– Только ты на такси поезжай, Гриша, а то в метро тебя заберут, я же знаю. Ничего, что денег нет, я заплачу. Ах, тебя в такси не посадят? Да, брат, вид у тебя ещё тот, я просто подзабыл. Тогда вот что. Ты позвони Лёлеку, он пускай заедет за тобой, и вы поедете вместе. У Лёлека вид поприличнее, просто-таки профессорский вид, с ним тебя в такси посадят. И гитару свою возьми непременно, Гриша. Сегодня будет большой концерт. Лёлеку, чтобы он не артачился, скажешь, что я угощаю.

А минут через тридцать в ресторан вломилась гомонливая орда кое-как одетых, нестриженных, весьма неопрятных и явно не успевших протрезветь после выпитого накануне людей. От самых дверей за ними бежал охранник, но справиться с этим нашествием ему одному было не по силам.

– Это ко мне! – смеялся Марецкий.

Тут был Гриша – долговязый длинноволосый парень с бородой и усами, чрезвычайно похожий на Иисуса Христа. Был и Лёлек, который и вправду очень смахивал на профессора – очки, бородка, округлое лицо и рассеянный взгляд. Все прочие прибывшие, как оказалось, до глубокой ночи пьянствовали на квартире Лёлека-профессора, слегли только под утро, подкошенные безуспешными поисками закончившейся так некстати водки, и вдруг раздался звонок от Гриши, сообщившего Лёлеку, что Марецкий приглашает и Марецкий угощает, и этот звонок был воспринят как подарок свыше, как благоволение небес, и тотчас же без всякого голосования было принято единодушное решение ехать всем вместе.

На всю компанию было две гитары, так что, по всей вероятности, предполагался концерт, но прежде требовалось привести артистов в работоспособное состояние, для чего щедрым Марецким для гостей были заказаны водка и пиво. Распорядитель ресторана, с подозрением глядя на Марецкого и вообще будучи не в восторге от присутствия этой беспокойной компании в стенах вверенного ему заведения, потребовал сразу же оплатить счет. Марецкий не возражал. Принесли спиртное. Через десять минут зазвучали первые аккорды.

К удивлению Китайгородцева, эти неопрятные и подозрительно выглядевшие ребята играли очень даже неплохо, и дело было даже не в мастерстве (в музыке Китайгородцев не считал себя специалистом), а в том, чему обычно дают определение: «Играют с душой». Ещё про такое говорят: «Цепляет». Это была игра, которой невозможно научить, она прорывалась сквозь быт и нелепости жизни, сквозь затягивающую тину неустроенности и беспробудного пьянства.

Это был импровизированный концерт, сейшн, музыкальный междусобойчик. Очень скоро выяснилось, что двух гитар мало и хорошо было бы ещё использовать инструменты, весьма непредусмотрительно оставленные на сцене ресторанными музыкантами. Парень, который совсем недавно с ними возился, даже не пытался этому воспрепятствовать, он уже давно наблюдал за происходящим с зачарованным видом человека, которому хочется присоединиться, но он не смеет, не веря, что его признают равным себе эти нечѣсанные небожители. Стало шумно и весело. Марецкий дирижировал и казался абсолютно счастливым. Девушка Маша сначала молча наблюдала за происходящим, но скоро выпитое вино и шальная атмосфера сделали своё дело, и вот уже она прихлопывала в такт музыке и пыталась подпевать, даже не зная слов, – верный признак того, что человек включился в действие и ему всё происходящее вокруг очень и очень нравится.

Уже давно в ресторанный зал высыпали повара и поварята, уборщицы, еще какие-то люди, прежде скрывавшиеся в ресторанных недрах и о присутствии которых никто даже не догадывался. Водка лилась рекой, Гришины друзья становились всё раскованнее, музыка

пошла поживее, как будто всё печально-медленное уже отыграли и поневоле пришлось переключаться на весёленькое, и еще неизвестно, что пьянило больше – выпитое или сама музыка. Гришин друг, профессорообразный Лёлек, к немалому удивлению не ожидавшего от него подобной прыти Китайгородцева, вдруг выбежал к сцене и станцевал уже порядком подзабытый брейк-данс. Да как станцевал! Часто ли приходится видеть профессоров, танцующих брейк!

Парень, прежде возившийся с аппаратурой, уже подсел к Марецкому, признав в нём если не предводителя этой развесёлой компании, то уж, по крайней мере, главное действующее лицо, мотор всему. Китайгородцев, находившийся поблизости, слышал, как парень спросил у композитора:

– Вы Марецкий?

Ответ ему, похоже, и не требовался, потому что он уже знал, кто перед ним, и оставалось только утвердиться в этом своем знании. А Марецкий был расслабленно-великодушен, добр и щедр.

– Да, это я, – ответил он благосклонно.

– А я здесь пою, – сообщил парень. – Я певец.

Он смотрел на Марецкого так, что не оставалось сомнений – ждет ответных слов. Марецкий должен был обрадоваться и сказать что-то вроде: «Певец? Как славно! Я давно ищу молодого, нераскрученного, но очень талантливого певца. У меня как раз есть одна песня, её ещё ни разу не исполняли...» Но слишком часто, наверное, Марецкий встречал таких молодых людей и слишком часто сталкивался с подобными ожиданиями, а потому он не выразил явной радости, но и не заскучал, поинтересовавшись:

– Ну, и как тебе эта работа?

– Мне нравится.

В зале царил атмосфера пьяной радости. Никто не гнал друзей Марецкого, и аппаратура была в их распоряжении, и водка не кончалась, и если это не называется счастьем, тогда что же такое счастье есть на самом деле?

Упала на пол и разлетелась на осколки тарелка. Кто-то уже лез на стол, собираясь то ли танцевать, то ли декламировать стихи. Прибежал растревоженный администратор. В его глазах угадывалось знание о близких неприятностях, основанное на долговременном опыте общения с подобного рода публикой. Марецкий ещё пытался его уговорить, но тот был непреклонен и страшал разошедшихся не на шутку гостей милицией.

Китайгородцев обнаружил, что ситуация стала постепенно выходить из-под контроля. Пора было уезжать. Тут Марецкий переключился на Машу и, кажется, тоже захотел уехать. Он смотрел на девушку таким взором, что Китайгородцев заранее знал, чем всё это в итоге закончится. Зато раскрасневшаяся Маша явно не предугадывала свою дальнейшую судьбу.

Гурьбой высыпали к гардеробу. Марецкий втолковывал юному ресторанному певцу, что любая раскрутка – это деньги, но дело даже не в деньгах, а в том, что должны быть веские основания для того, чтобы именно тебя, конкретного соискателя популярности, выделил среди тысяч тебе подобных прощельга-продюсер.

– Ты знаешь, как Айзеншпис нашел Влада Сташевского? – спрашивал Марецкий. – Никому не известный subtilный юноша Владик Сташевский как-то раз глушил пиво и попутно лабал на рояле что-то меланхолично печальное, а мимо Юра проходил. Ты понимаешь? Случай! Ты пиво, кстати, пьёшь?

– Пью.

– Значит, и у тебя есть шанс, – неожиданно заключил Марецкий, покровительственно похлопывая собеседника по плечу.

Воспользовавшись тем, что клиент отвлёкся, Китайгородцев подтолкнул Машу к выходу.

– Тебе пора, – сообщил он ей.

- Мне еще у Игоря Александровича надо...
- Завтра! – чётко произнёс Китайгородцев, давая понять, что аудиенция закончена.
- Но мне насчет завтрашнего...
- Я знаю, – кивнул Китайгородцев. – Я всё слышал.

Час назад нетрезвый Марецкий обещал девушке поездку к руинам его фамильного гнезда. Что-то там такое он рассказывал про свои дворянские корни. Он потомок старинного графского рода, оказывается.

– Завтра! – сказал Китайгородцев. – Как договорились! У станции метро «Свиблово»! В десять утра!

С этими словами он решительно выставил Машу на улицу.

* * *

Телохранитель Китайгородцев: «Что-то зацепило меня в поведении моего клиента. Какой-то пустяк. Какая-то фраза, брошенная вскользь. И только потом я понял, что именно – его шутка, что кого-то он давно хотел убить. Он пошутил на тему смерти. Так поступают те, кто близко подобного несчастья не видел. По одной этой фразе я многое узнал о Марецком. Похоже, что жизнь его течёт размеренно-беззаботно и не отягощена серьёзными неприятностями. Многого он ещё не видел. Может, оно и к лучшему. Потому что не всякий жизненный опыт бывает полезен. Однажды мы эвакуировали клиента – предпринимателя, из тех, кого называют олигархами. Принадлежащий ему комбинат, расположенный далеко за Уралом, представлял интерес для целого ряда структур, которые конкурировали между собой. Когда наш клиент вознамерился продать комбинат, он, по сути, сам себе подписал смертный приговор, так как комбинат был один, а желающих его приобрести – несколько, и единственной возможностью сорвать сделку кое-кому представлялась преждевременная смерть продавца. Мы должны были эвакуировать его из-за Урала в одну из западных стран. Счет тогда шёл даже не на дни, а на часы. Клиента из его поместья вывозили специально зафрахтованным вертолётом. С ним летели и члены его семьи. Мы вывезли их в Красноярск, там пересадили в самолет, который должен был доставить их в Алма-Ату, а далее из Алма-Аты в Стамбул, а уже оттуда – в Цюрих. Но была опасность, что нашего клиента могли попытаться перехватить. И поэтому до Алма-Аты мы не долетели, приземлились на военном аэродроме в районе озера Балхаш, где уже стоял наготове военно-транспортный самолет российских ВВС. Но транспортник взлетел без нашего клиента на борту. То есть он там как бы был – для всех любопытствующих, но на самом деле вместо него и его родственников летели совсем другие люди. Произошла подмена. Так делается, когда надо сбить со следа преследователей. В данном случае предосторожность оказалась совсем не лишней. Перемещения нашего клиента его недруги действительно отслеживали и даже смогли сделать так, чтобы военный транспортник приземлился не на Чкаловском аэродроме, а в Домодедове. Рассчитывали, что наши ребята оплошают и не успеют перебросить туда кортеж встречающих. Наши успели. Машину для клиента подогнали прямо к трапу самолета. На подъезде к Москве нашу колонну уже поджидали. Грузовик, груженный бетонными плитами, вынырнул из укрытия прямо перед машиной, в которой

должен был находиться наш подопечный. Удар оказался такой страшной силы, что легковой автомобиль смялся, как попавшая под каток консервная жестянка. Четверых сотрудников охранный агентства, которые находились в том автомобиле, потом хоронили в закрытых гробах. В той машине мог ехать я. Но меня не выпустили из поместья, принадлежащего нашему клиенту. Милиция не выпустила. Следственная группа как раз со мной разбиралась. Потому что незадолго до эвакуации клиента я застрелил киллера. Молодую женщину двадцати пяти лет от роду. Пуля попала ей в лицо. Маленькая такая дырочка под правым глазом. Если вы никогда не видели убитого вами человека вблизи, вам не понять, что испытываешь при этом. Это и есть тот самый жизненный опыт, которого лучше не иметь. Но у меня он, к сожалению, есть. А у Марецкого его нет. Поэтому он так легко шутит на подобные темы. А я вот не могу. Не получается».

* * *

Марецкий был сильно нетрезв, и Китайгородцев сам сел за руль. Яркая вывеска над входом в ресторан переливалась всеми цветами радуги и отражалась в зеркальной поверхности крышки капота.

– Не хочу ехать домой, – сказал Марецкий. – Давай просто покатаемся по городу.

Был четвёртый час утра. Тот короткий промежуток в сутках, когда на улицах почти не видно людей. Город ещё залит огнями, но до рассвета осталось всего ничего.

– Я так часто катаюсь, – сказал Марецкий. – Не люблю город днём. Люблю ночью.

Он задумчиво смотрел прямо перед собой. Ветер трепал его волосы. Ворот дорогой шёлковой рубашки был распахнут. Китайгородцев подумал вдруг, что вот точно так же, наверное, возвращались домой после ночных кутежей далекие предки Марецкого. В карете по булыжной мостовой, фонари заглядывали в окошко, а там, в карете, молодой граф – и тоже рубашка шёлковая, в причёске легкая небрежность, взгляд такой же задумчивый.

Китайгородцев бросил взгляд в зеркало заднего вида. Позади никого, чьё присутствие могло бы насторожить.

– По Садовому кольцу, – попросил Марецкий.

Дорога была почти пустынна в столь ранний час.

– А девчонку ты от меня спрятал, – вдруг сказал Марецкий.

– Спрятал, – не стал отпираться Китайгородцев.

Он по опыту знал, что с клиентом нельзя юлить. Надо чётко расставлять акценты. Чтобы тот всегда знал, чего можно ждать от телохранителя.

Марецкий не оскорбился. Усмехнулся и посмотрел на Китайгородцева заинтересованно.

– А зачем? – спросил он.

– Это моя работа.

– Твоя работа – девчонок от меня отгонять? – непритворно изумился Марецкий.

– Моя работа заключается в том, чтобы обезопасить клиента от любых неожиданностей.

Или неприятностей, если хотите.

– Разве девушка – это неприятности? – развеселился Марецкий.

– Я, надеюсь, не скажу обидных вещей. Я ведь не про вас лично, а про то, чем вполне безобидные поначалу истории иногда заканчиваются. Мужчина выпил, у него настроение хорошее, а рядом девушка красивая. Он хочет ласки, она осторожничает, мужчина становится всё настойчивее, и иногда подобное заканчивается крайне плачевно.

– Чем же заканчивается?

– Приговором по уголовному делу об изнасиловании. Если это всё-таки случилось, а рядом был телохранитель, то это его, телохранителя, промах. Недоработка. Ляп в работе.

– Ты искренне так считаешь?

– Да. Телохранителя нанимают для того, чтобы его клиент был в безопасности. А безопасность – это не только защита от пули киллера. Это защита вообще от любых неприятностей. Только-то и всего – вовремя прогнать девицу. И вот уже нет ни дела уголовного, ни прочих неприятностей.

– Хм, – только и смог произнести Марецкий.

Похоже, что прежде о работе телохранителя у него было несколько иное представление. Проще ему всё виделось.

– Я вас порасспросить хотел кое о чем, – сказал Китайгородцев. – Раз уж у нас с вами зашёл такой разговор. Что за причина заставила вас обратиться в охранное агентство?

– Захотел взять телохранителя, – пожал плечами Марецкий.

– Вот об этом я и спрашиваю. Зачем вам телохранитель?

– Хочется.

– Телохранителей никогда не берут просто так.

– Неужели? – вполне искренне удивился Марецкий.

Китайгородцев подумал немного.

– Нет, иногда бывает, конечно, – признал он. – Для престижа, так сказать.

– Вот и я – для престижа.

По виду Марецкого невозможно было определить, шутит он или говорит серьёзно.

– Если есть угроза, – сказал Китайгородцев, – серьёзная угроза жизни клиента, если готовится покушение... в общем, если дело нешуточное, то один телохранитель – это не защита. Один человек ничего не сделает. Единственный телохранитель рядом с клиентом – это сто-процентный смертник...

– Боишься за свою жизнь?

– Я просто консультирую вас по вопросам вашей собственной безопасности. Если вам телохранитель нужен не для антуража, если вы действительно почувствовали неладное, мы должны это знать. Чтобы всё просчитать и принять меры.

– Никакой угрозы нет, – сказал Марецкий. – И мне тебя одного хватит выше крыши. Если я сейчас уже не могу с девушками нормально общаться, то что же будет, если я найму пятерых таких, как ты? Вот ты девушку сегодня прогнал. А зачем? Ведь не придёт она больше.

– Придёт, – успокоил его Китайгородцев. – Никаких сомнений.

* * *

Маша пришла. Как и договаривались накануне, она поджидала Марецкого у выхода из метро.

– Здравствуйте, – сказала как ни в чём не бывало, садясь в машину.

– Здравствуйте, – в тон ей ответил Марецкий.

Кажется, у них обоих вчерашнее не оставило осадка. Зато остался взаимный интерес. Только они сейчас не демонстрировали его слишком уж явно.

«Мерседес» Марецкого помчался по проспекту.

– Только теперь я поверила в то, что наша поездка действительно состоится, – призналась Маша.

– Почему же только теперь? – обернулся к ней Марецкий.

– Ну, вчера это было как-то несерьёзно, – дипломатично ответила Маша.

Китайгородцев в глубине души был с нею согласен. Вчера рассказ Марецкого о его аристократическом происхождении выглядел как заурядный пьяный треп. Поболтали и забыли.

Обещал показать развалины разорённого фамильного гнезда, а наутро уже и не помнит. Вспомнил. Может, он и вправду граф?

– Я действительно граф, – словно прочитав мысли Китайгородцева, сказал Марецкий спокойным тоном человека, говорящего о вещах само собой разумеющихся.

Извлёк из перчаточного ящика сложенный вчетверо лист, развернул. На листе была тщательно вычерчена многоцветная схема.

– Мое генеалогическое древо, – всё так же спокойно сказал Марецкий. – Все родственники как на ладони. Вообще-то мы не Марецкие, если разобраться, а Тишковы. Первый граф Тишков – вот он, – ткнул пальцем в один из квадратиков на схеме. – Тишков Михаил Елизарович. Потомственное дворянство даровано ему государем императором за заслуги перед Отечеством. К титулу присовокупили и поместье. То самое, куда мы сейчас едем. Тишковский род был не самый худой. В основном продвигались по военной службе. И так до октября семнадцатого.

При этих словах Марецкий вздохнул столь тяжело, словно лично с него в те дни срывала офицерские погоны вышедшая из повиновения солдатня.

– Кто-то из Тишковых уехал из России, кое-кто остался. Моя прабабка в двадцатом году девятнадцати лет от роду вышла замуж за человека по фамилии Марецкий, и с той поры Тишковых уже как будто и нет. Думаю, что она с радостью поменяла фамилию. Аристократические корни ей демонстрировать было совсем ни к чему. Опасно. А так вот выжила. И род продолжился.

– Эту схему передавали вам по наследству родители? – спросила заинтересованная Маша.

– Нет. От родителей я никогда не слышал о том, что у нас в роду были дворяне. То ли они сами об этом не знали, то ли просто боялись сказать, чтобы не навредить. Тогда ведь анкетам большое внимание уделялось. Мамину подругу не приняли в университет только потому, что она не состояла в комсомоле... Эту схему мне принёс какой-то любитель всяких архивных штучек. Самолично перелопатил мою родословную и уже с готовой схемой пришёл ко мне.

– А ему-то что за радость? – не поняла девушка.

– Он таким способом зарабатывает себе на жизнь. Их всего несколько человек на всю Москву, таких изыскателей. Сидят по архивам, поднимают старые бумаги, составляют родословную какого-нибудь известного человека, потом приходят к нему, демонстрируют плоды своих трудов и предлагают приобрести по договорной цене.

– И что же – покупают?

– Машенька, а вам разве не интересно, кто были ваши предки?

– Интересно.

– То-то и оно. Конечно покупают.

– А если это надувательство? Если генеалогическое древо фальшивое?

– Так ведь можно проверить, Маша. Тот человек вместе со схемой передал мне список всех документов, которые ему довелось держать в руках, с указанием архивов, в которых те документы хранятся, и с номерами, по которым их очень легко отыскать. Так что никакого подвоха тут нет.

Китайгородцев вёл машину, а сам нет-нет да и бросал взгляд на развернутую на коленях Марецкого схему. Генеалогическое древо где-то имело много плодов, где-то – совсем мало, от квадратиков к квадратикам шли стрелки, упирающиеся в красноречивые многоточия. Следов некоторых Тишковых неведомый архивариус, похоже, так и не сумел отыскать. Наверное, это были потомки тех, кто давным-давно уехал из России. Безжалостное время и обстоятельства перемололи человеческие судьбы, оставив лишь многоточия. Зато с самим Марецким всё было ясно. Через его прабабку, благоразумно превратившуюся из Тишковой в Марецкую, через деда

и отца стрелка выводила прямо к Игорю Александровичу Марецкому и Инне Александровне Марецкой.

– У вас есть сестра? – поинтересовался Китайгородцев.

Секундная пауза.

– Нет, – нехотя ответил Марецкий. – Умерла.

– Извините, – сказал Китайгородцев.

Больше они к этой теме не возвращались.

* * *

Они давно выехали за пределы Московской области. Дорога становилась всё хуже, тянулась через заросшие сорняками, давно не обрабатываемые поля. Редкие деревни были невелики, неопрятны и казались безлюдными. Встречные машины попадались не часто. Если бы не редкие приметы цивилизации, можно было бы подумать, что за прошедшие сто лет ничего здесь не изменилось.

Теплый июньский воздух врвался в салон. Он нёс с собой густую мешанину цветочных запахов, от которых Китайгородцев уже давно отвык в Москве. Птицы поднимались из густой травы, некоторое время летели вровень с машиной, потом вдруг взмывали вверх, к синему до неправдоподобия небу, украшенному причудливыми облаками.

– Здесь когда-то было хорошо, – произнёс Марецкий задумчиво.

Ему, наверное, рисовалась благостная картина, на которой поля золотились метровой высоты пшеницей, на дальнем лугу паслись тучные коровы, юный пастух наигрывал на дудочке незамысловатую мелодию, а по дороге в это время катилась повозка на мягких рессорах, и сидевший в ней молодой барин скользил окрест задумчивым взглядом.

– Здесь направо, – подсказал Китайгородцеву Марецкий.

Прямо перед небольшим леском, справа от растрескавшегося асфальта, начиналась и убежала куда-то вдаль дорога – заросшая травой колея. «Мерседес» неспешно катился вдоль леса. Кричали птицы, залетел в открытое окно шмель, заплутал, стал биться о лобовое стекло, испуганно жужжа, так что Марецкому пришлось газетой выгонять его наружу.

Дорога нырнула в лес, поднялась на взгорок, и вдруг среди деревьев взорам открылись заросшие травой и кустарниками едва угадываемые руины. Здесь когда-то были каменные постройки, от которых остались одни лишь фундаменты, и предстояло напрячь воображение, чтобы представить себе, что же здесь могло быть много десятилетий тому назад.

Китайгородцев остановил машину. Марецкий вышел первым. Ступил в мягкую траву, прошелся по зеленому ковру – белая рубашка, белые брюки, барин приехал в родные места.

– Это и есть Тишково, – сказал негромко. – Имение моих предков.

Ветер красиво перебирал пряди его волос. Во взгляде задумчивость и лёгкая печаль. Маша, не забывая о работе, торопливо отщёлкивала кадр за кадром. Игорь Марецкий, прямой потомок графского рода Тишковых, на развалинах родового гнезда. Прекрасная иллюстрация к репортажу.

Китайгородцев тоже вышел из машины. Никого вокруг. Только далеко за деревьями, на опушке, загорелый косарь косил траву.

– Дом был вот здесь, – показал рукой Марецкий.

Щёлк! Есть очередной кадр.

– Хороший дом. В два этажа. Он простоял до самой войны, в нём был детский дом. В войну сгорел, и его уже не восстанавливали.

– Откуда вы знаете его историю? – спросила Маша. – Спрашивали у местных?

– С местными я не разговаривал. Я кое-что узнал об этом доме и о роде Тишковых в краеведческом музее. Это недалеко отсюда, километрах в двадцати.

Он пошёл по траве, огибая угол несуществующего дома. Щёлк! Еще один кадр.

Косарь, наконец, обнаружил присутствие людей, прервал свою работу и смотрел изда- лека, прищурившись.

– И что теперь? – спросила Маша, обращаясь к Марецкому. – Будете требовать возврата принадлежавших вашим предкам земель?

– А у нас нет закона о возврате конфискованных земель и недвижимости, – сказал Марец- кий. – И, может быть, не надо этого.

– Почему же?

– Зачем ворошить то, что было сто лет назад? Жизнь идёт так, как идёт. Всё и без того не так уж плохо, Маша. Так зачем мне ещё и эти развалины?

Любопытствующий косарь направился в их сторону. Косу нёс в руке. Китайгородцев пошёл навстречу. Сделал несколько шагов так, чтобы оказаться между Марецким и мужиком с косой. В глазах – недвусмысленное предупреждение. Мужик, кажется, понял. Остановился в нескольких шагах, спросил, заискивая заглядывая в глаза Китайгородцеву:

– Тоже любопытствуете, значит?

Китайгородцев не ответил, сверлил мужичка взглядом. По опыту он знал, что этого сей- час вполне достаточно.

– Фундаменты тут хорошие, – сказал почему-то мужичок. – Очень даже можно строиться.

Наверное, он принял прибывших за потенциальных застройщиков. Вон на какой машине приехали. Прямо «новые русские» какие-то. Глядишь, место себе присмотрят под дом. Далеко от города, так зато места какие.

– Вы извиняйте, если что, – сказал мужичок, не выдержав отталкивающего взгляда Китайгородцева. – Мне работать надо.

Развернулся и торопливо пошёл прочь, унося в себе глубоко запрятанную неприязнь к недружелюбным незнакомцам и одновременно – опаску.

* * *

Телохранитель Китайгородцев: «Русский человек пасует перед силой, которая сильнее него. Он предпочитает не бороться с ней, а примириться. Но не растрачиваемая, не демонстрируемая, а постоянно упрятываемая в самые дальние уголки души неприязнь не растворяется, постепенно разрастаясь до размеров ненависти, которая в конце концов выплёскивается. Иногда по совершенно пустячному поводу или вовсе без повода, и очень часто тот, против кого агрессия направлена, – лицо совершенно случайное, просто человек оказался в данное время в данном месте. Как говорится, попал под горячую руку. Несколько лет назад на известного телеведущего Льва Новожёнова было совершено нападение. Он поздним вечером притормозил у цветочницы. Пока выбирал цветы, расплачивался и раздавал автографы узнавшим его девушкам, за ним наблюдал нетрезвый молодой человек. Потом этот парень подошел к Новожёнову и ударил его. За что? Ему показался слишком вызывающим внешний вид уважаемого мужчины? Или он узнал телеведущего, а телепередачи Новожёнова ему давно не нравились? Или Новожёнов как-то не так улыбался девушкам? Ни одна из этих причин не может быть достаточно весомой, чтобы стать главной. Что-то было в жизни этого парня такое, что возвращало в нём агрессию. День за днём, месяц за месяцем копились в нём неудовлетворенность и глухая злоба, которую он никак не

мог выплеснуть. И вот выплеснул. Случай подвернулся. Нам на лекциях такие истории рассказывают для того, чтобы лишний раз подчеркнуть: охраняемые нами клиенты – одни из самых привлекательных объектов для агрессии. Они ведь всегда добротны и дорого одеты, у них на лице написано, что многие проблемы, терзающие большинство их менее удачливых сограждан, им попросту неведомы. У них дорогие автомобили и ещё более дорогие дома – и уже сама демонстрация успеха провоцирует на агрессию замордованных жизнью людей. Поэтому защита от нанятого врагами киллера – только часть работы. Надо ещё защитить клиента от опасностей случайных, непредсказуемых, неспровоцированных. Никогда не знаешь, чем может закончиться покупка букета цветов. Или поездка на развалины фамильного гнезда».

* * *

Краеведческий музей располагался в обветшавшем особнячке ещё дореволюционной постройки. Фасад явно перекрашивали совсем недавно, но внутри краска листами отслаивалась от стен, на потолках расплывались рыжие разводы, на всём лежала печать запустения. Марецкий и его спутники оказались единственными посетителями музея. Сидевшая на входе старушка продала им три билета, на которых стояла цена 5 копеек. Билеты, видимо, тоже были музейными экспонатами. Из той, прежней жизни.

Марецкий, который здесь уже бывал, повёл своих спутников через залы, где под витринным стеклом хранились непременно черепки, бывшие когда-то посудой, монеты, изъеденные неумолимой ржавчиной наконечники копий, остатки бус и составленные неведомыми картографами карты здешних земель, имеющие, как это обычно бывает, весьма далекое отношение к реальной действительности.

В одном из дальних залов обнаружилось то, ради чего они сюда и приехали. На стене, увеличенная в несколько раз, висела уже знакомая Китайгородцеву схема генеалогического древа рода Тишковых. Здесь же портреты. Михаил Елизарович – первый граф в роду. Дальше по стене – его потомки.

На одном из дореволюционных, если судить по датам, портретов сквозь паутину растрескавшихся от времени красок на зрителя смотрел едва ли не сам Марецкий. Конечно же, это был не он, но глаза, нос, губы – так в сыне распознают черты его отца. «Вот она, порода», – подумал Китайгородцев. То, что передаётся из поколения в поколение, что не вытравить ничем. Личные вещи в витринах. Офицерский мундир. Вычурный, вытертого серебра, хронометр. Походный саквояж. Трость. Записи управляющего именем на выцветших от времени листах. Фотография: дворянская усадьба, а перед типичным барским домом – ребятишки, одинаково бедно одетые и этой своей одинаковостью похожие друг на друга как родные братья. Судя по подписи, это воспитанники детского дома, открытого в стенах тишковского имения. Еще фото, уже современное, цветное: развалины, заросшие травой. Те самые, которые сегодня видел Китайгородцев. Здесь же россыпь нотных листов и маленькая фотография Игоря Александровича Марецкого, композитора и продолжателя рода Тишковых.

Щёлк! Маша сфотографировала витрину и склонившегося над ней Марецкого. Дремавшая на стульчике старенькая смотрительница встрепенулась.

– Нельзя снимать! – заверещала она неожиданно писклявым голосом.

Вскочила со стула, словно намеревалась лично воспрепятствовать дальнейшей съёмке, невзирая на собственную немощь и несовпадение весовых категорий, в которых выступала она и её более молодые оппоненты.

Какой-то мужчина, явно из музейных сотрудников, привлеченный шумом, заглянул в зал.

– Нарушают, Андрей Андреевич! – сообщила ему смотрительница с той готовностью, с какой обычно докладывают о замеченных безобразиях вышестоящему начальству.

Но Андрей Андреевич не осерчал и не нахмурился, а с выражением благожелательного спокойствия на лице направился через зал к гостям, еще на дальних подступах протягивая руку для приветствия. Китайгородцев бросил быстрый взгляд на Марецкого. Тот приветливо улыбался. Свои. Крепкое рукопожатие. Щёлк! Маша продолжала выполнять свою работу.

– Рад вас видеть, – сказал Андрей Андреевич, обращаясь к Марецкому.

Композитор благосклонно кивнул. Он знал себе цену.

– Готовимся кое-что добавить в экспозицию, – продолжал Андрей Андреевич.

– Что-нибудь новенькое?

– Через историю вашей матушки, вашего деда и прабабушки хотим показать эпоху. Весь двадцатый век через призму судьбы троих человек. То есть что я говорю? – засмеялся он вдруг и осторожно тронул Марецкого за рукав. – Четверых, конечно же.

– Интересно будет посмотреть, – сказал Марецкий. – Я как-нибудь сюда свою невесту привезу.

Сказал и бросил быстрый насмешливый взгляд на Машу. А та сделала вид, что не услышала.

* * *

Юшкин проснулся и вернулся к жизни, хотя на самом деле он предпочел бы умереть. Голова не отрывалась от подушки, словно прибитая к ней огромным железным гвоздём. Любая большая пьянка в последнее время заканчивалась для Юшкина подобным образом, но на этот раз ему было совсем уж плохо. Организм уже не справляется, понял он. Загонит себя за год-другой, если не остановится. А он не остановится. Об этом Юшкин подумал со спокойствием обречённого.

Лежать было неудобно. Сетка кровати прогнулась, и непривычное к подобному ложу тело, намаываясь за ночь, ныло теперь нещадно. Казалось, болел каждый мускул.

Он повернулся. Кровать под ним скрипнула. И тут же раздался какой-то другой звук. Рядом явно был ещё кто-то. Юшкин оторвал наконец голову от подушки. На другой кровати лежал человек, которого Юшкин раньше никогда не видел. Правда, это его нисколько не удивило, он привык за последние месяцы к тому, что просыпался в самых разных местах, зачастую совсем неожиданных, в присутствии людей, совершенно незнакомых. Обычное дело для человека сильно пьющего. Пьянка начинается в одной компании, потом, как всегда, выпивки не хватает, начинаются пьяные поиски «живой воды», следуют бессмысленные пьяные драки, теряются прежние собутыльники, но обретаются новые. Пьянка катится дальше, и не разберёшь, день или ночь на дворе, а спать ложишься окончательно, когда свалит с ног выпитое. Пробуждение – и вот он рядом, вчерашний собутыльник, с которым наверняка брался и целовался, а сейчас и имени-то вспомнить не можешь.

– Привет! – сказал Юшкин голосом таким глухим и незнакомым, что и сам его не узнал.

– Привет, – отозвался парень. – Выпить хочешь?

Вот тут Юшкин впервые удивился.

– А разве есть? – спросил он, не веря в возможность подобного.

Наутро после пьянки – только пустые бутылки. Если где-то что-то и осталось – это законная добыча того, кто проснулся первым и нашёл. Так принято, и никто на это не обижается.

– Есть, – сказал парень. – Будешь?

Поднялся со своей кровати, прошел по комнате. Юшкин проследовал за ним взглядом и увидел, наконец, стол, а на нём – несколько непечатых бутылок водки и небрежно сваленную в кучу снедь. Так не бывает. Должны быть только пустые бутылки и объедки. Удивленный Юшкин нашёл в себе силы сесть.

Парень налил водку в пластиковый стакан, выбрал среди горы снеди банку консервированных огурчиков, достал огурец и подошел к Юшкину.

– Держи!

– А ты? – проявил вежливость Юшкин.

– Ты пей, – сказал парень.

И стало ясно, что он с Юшкиным пить не будет. Он вообще был какой-то странный, этот парень. И совсем не походил на обычных юшкинских собутыльников.

Юшкин выпил, закусил огурцом и преданно посмотрел на парня.

– Ещё? – догадался тот.

– Ага! – с готовностью кивнул Юшкин.

И второй стакан ему налили. Он даже удивился тому, как всё удачно складывается.

– А остальные где? – поинтересовался Юшкин, аппетитно хрустя огурчиком.

– Какие остальные? – не понял парень.

– Ну, вроде как ещё был кто-то.

– Не было никого.

– А, понятно, – не стал спорить Юшкин.

Другие-то были, это точно. Несколько человек. Одного Артемом звали. Или Артуром. И другие ребята были. Были, да сплыли. Видно, он в другую компанию попал. Бывает.

– Уф-ф! – сказал Юшкин. – Башка прямо раскалывается. А у тебя?

– Нормально всё у меня.

– Значит, ты свою норму знаешь, – сказал Юшкин уважительно. – Слушай, а туалет тут где у тебя?

– На улице.

Надо же – на улице! То-то ему сразу показалось, что не обычная это квартира. На дачный домик похоже. Вот как его занесло. Прямо какая-нибудь платформа Опалиха. Ехал он электричкой или нет? Не помнил.

Парень открыл дверь, за которой было что-то вроде летней веранды. Близкий лес заглядывал в окна. Деревья подступали вплотную к дому, деревянной дряхлой постройке со стенами, когда-то выкрашенными в синий цвет, и кособоким крыльцом, готовым рассыпаться в любую минуту. И дальше, за деревьями, виднелись маленькие домики, а от одного к другому бежала узкая тропинка – дорог тут вовсе не было, впрочем, как и заборов, фонарных столбов, людей. Действительно, дачи.

– Так это не Москва? – уточнил Юшкин.

– Нет, – ответил парень. – Сортир вон там.

И указал рукой направление. Юшкин проследил взглядом и увидел почерневшее от времени деревянное строение, в предназначении которого невозможно было ошибиться. Он удалился с достоинством только что опохмелившегося человека. Жизнь уже не казалась ему такой постылой, как пятнадцать минут назад.

Когда Юшкин вернулся, парень всё так же стоял у крыльца дома. Стоял и смотрел внимательно. Будто какая-то стена между ними была, между Юшкиным и этим парнем. Вот не свой он, этот парень. Не юшкинского круга. Рядом с ним Юшкин чувствовал себя не очень уверенно, словно чем-то обязанным этому парню. Вроде и наливает, но... как официант в ресторане. А жаль. Тут хорошо. И воздух чистый. И нет никого. Людей совсем не видно. Юшкин это любил – чтобы никого. Или чтобы незнакомые. Вот знакомых он боялся. Они ведь могли продать его с потрохами. А незнакомые о Юшкине ничего не знают. По крайней мере, до первой

большой пьянки. И пока им по пьяной лавочке не раскрылся – он в безопасности. Как сейчас. Нет, в самом деле, с удовольствием пожил бы тут недельку. Если бы парень не демонстрировал слишком явно свое отчуждение. Вроде как говорил: я тебя поил-кормил, и всё это за мой счет, братец, а теперь извини, загостился ты что-то. Вон как взглядом сверлит.

– Ну что – ещё по маленькой, да я поеду? – произнес Юшкин нарочито жизнерадостным тоном.

Вон сколько у этого типа водки – неужели ещё одного стакана пожалеет?

– Заходи!

Не пожалел.

И точно – наливал и наливал. Сам не пил. Юшкину это не нравилось, но он молчал до поры и осмелел, только когда нагрузился основательно.

– Ты странный, – сказал он парню. – Почему не пьешь? Не уважаешь?

Застолье стремительно катилось к привычному пьяному скандалу, но скандала не случилось. Парень невозмутимо подливал Юшкину, и тот в конце концов спекся. Когда он уже не мог ни пить, ни даже удерживать более-менее вертикально свое тело, парень дотащил Юшкина до кровати и уложил. Не очень аккуратно, но и без грубости.

* * *

К дому Марецкого подъехали уже поздним вечером. Потомок графского рода Тишковых выглядел неважно. Долгий кутеж в ресторане, потом прогулка по ночной Москве, короткий сон, а потом – день поездок по местам былой славы предков.

– Сегодня никуда не пойдём, – сказал Марецкий Китайгородцеву. – Ты Машу доведи до дома и можешь быть свободен.

Маше он только коротко кивнул на прощание, демонстрируя полное отсутствие интереса к ней. Будто накануне ничего и не было. Или это всего лишь игра такая была – с показным равнодушием? Китайгородцеву показалось, что игра.

– Машину пригнать к вашему дому? – спросил он.

– А зачем? – вяло отмахнулся Марецкий, которого нисколько, казалось, не волновала судьба его сокровища на четырех колесах. – У тебя там рядом где-нибудь автостоянка есть?

– Есть.

– Охраняемая?

– Да.

– Вот там и оставь. А завтра приедешь.

– Во сколько?

– Я позвоню тебе.

Марецкий потянулся к ручке двери. Китайгородцев тотчас же выскочил из машины.

– Зачем? – воспротивился Марецкий. – Я сам к себе поднимусь.

Китайгородцев сделал вид, что не расслышал, и сопровождал композитора до двери его квартиры. Марецкий на прощание сказал ему со вздохом:

– Ты всё-таки не надрывайся так на службе. Меня твоё рвение иногда утомляет.

Сказал и закрыл дверь перед самым носом Китайгородцева.

* * *

Телохранитель Китайгородцев: «Я никогда не обижаюсь на своих клиентов. Не имею права на них обижаться. По крайней мере, до тех пор, пока я их охраняю. Потому что у меня не может быть личных отношений с

клиентом. Я не имею права ни любить своего клиента, ни ненавидеть. Я – человек-функция. Почти что робот. Если с этой мыслью не свыкнуться, не руководствоваться ею постоянно – в конце концов всё закончится большой бедой. На моего коллегу-телохранителя однажды накричал клиент. Был не в духе, мало ли что там у него произошло, всё-таки бизнесом человек занимался, постоянные стрессы, вот и сорвался, на телохранителя спустил собак, образно говоря. Телохранитель ему, конечно, не ответил, попробуй только ответить, за такие штучки с работы выгоняют в два счета, да еще с волчьим билетом в кармане, так что парень смолчал, но расстроился, похоже, сильно. А ему нужно было дочку клиента в школу везти. Девчонку он до места довёз, но там подъехать к самой школе нельзя. Обычно телохранитель запирает машину, брал девчонку за руку, переводил через дорогу, потом через школьный двор, и только у дверей школы они расставались. А в тот раз, всё ещё продолжая злиться и эту злость распространяя на ни в чём не повинную дочь клиента-грубияна, телохранитель сказал ей, что спешит. Не захотел выходить из машины. Это была как бы его маленькая месть. Так он думал. А месть оказалась большой. Девчонка побежала через дорогу и попала под машину. Хорошо ещё, что обошлось, не насмерть. От кого-то я услышал однажды, что тот телохранитель просто проявил характер. Но я считаю, что настоящий телохранитель не имеет права давать волю своим чувствам – любить или ненавидеть клиента».

* * *

Маша ждала его в машине, сжавшись теплым комочком-воробушком на заднем сиденье автомобиля.

– Свиблово? – на всякий случай уточнил Китайгородцев.

– Да. – И сразу, без всякого перехода: – А ты кем у Марецкого? Телохранителем?

Было такое впечатление, что этим вопросом Маша терзалась едва ли не весь сегодняшний день, но только теперь вот её прорвало в отсутствие Марецкого.

– Да, – односложно ответил Китайгородцев.

– Ты что – серьёзно? – позволила себе усомниться Маша.

Её изумление было совершенно детским. Так искренне удивляется ребёнок, узнав о существовании в окружающей его жизни чего-то такого, о чем прежде он даже не имел представления.

– Настоящий телохранитель? Да? У тебя и пистолет есть?

– В Свиблове какая улица? – вместо ответа спросил Китайгородцев.

– Берингов проезд. Так я насчёт пистолета...

– Ну откуда у меня пистолет? – вразяжечку, почти лениво сказал Китайгородцев.

– А защищать ты его как будешь?

– Кого? – всё так же лениво осведомился Китайгородцев.

– Марецкого.

– От кого его защищать? Разве ему кто-нибудь угрожает?

– Но он же тебя нанял зачем-то.

– Вот у него и спроси – зачем, – подсказал Китайгородцев, закрывая тему.

Маша поняла. И про пистолет уже не спрашивала.

– И давно ты?

– Что – давно? – уточнил Китайгородцев.

– В телохранителях ходишь.

– Давно.

– Сколько?

– Несколько лет.

– Ну и как тебе такая работа?

– Нормально.

– А что-нибудь интересное с тобой приключалось?

– Не-е, – протянул Китайгородцев. – Это только со стороны кажется – экзотика. А на самом деле скучища невероятная.

– Ты это серьёзно? – не поверила Маша.

– Абсолютно.

Она недоверчиво посмотрела на Китайгородцева.

– Ну хоть что-нибудь расскажи. Или придумай, в конце концов.

– Зачем?

– А я про тебя напишу, когда буду готовить материал о Марецком. Представляешь? У Марецкого собственный телохранитель, настоящий громила, очень крутой парень, ему даже пистолет не нужен, потому что у него черный пояс по карате и он врагов убивает голыми руками. И фотографию поместим: Марецкий, а за его спиной ты маячишь – в черных очках, весь такой таинственный...

– Не надо, – коротко сказал Китайгородцев.

– Чего не надо?

– Фотографии не надо. И писать про меня – тоже.

– Почему?

– Начальство моё этого не любит.

– Жаль, – искренне призналась Маша.

В зеркало заднего вида Китайгородцев видел, как она скользнула взглядом по его плечам.

Во взгляде угадывался интерес.

– Значит, не расскажешь ничего? – спросила Маша.

– Нет.

До Свиблова ехали не разговаривая. Когда подъехали к дому, Маша предложила:

– Поднимемся ко мне? Я приготовлю кофе.

Она смотрела выжидательно. И, кажется, очень хотела, чтобы он согласился.

Для Китайгородцева происходящее оказалось неожиданностью. Так бывает, когда находящийся рядом человек совершает поступки, которых ты от него не ждёшь. Прежняя кротость Маши Мостовой и её готовность краснеть по любому, даже вполне безобидному поводу – это была всего лишь маска? Он и не предполагал, что она такая бойкая девушка. Оказывается, умеет ставить в тупик. Но у Китайгородцева отговорка была уже готова.

– Ну что ты! – сказал он таким тоном, будто она предлагала ему что-то совсем уж невозможное. – Как же я машину хозяина оставлю? У нас за это с работы выгоняют.

– Тогда до встречи.

Вышла, хлопнула дверцей, помахала на прощание. Китайгородцев кивнул в ответ и, удивившись, что Маша зашла в подъезд, прямо из машины позвонил своему шефу. Хамза ещё был на месте.

– Это Китайгородцев. У меня к вам просьба. Надо проверить Марию Мостовую, уроженку города Торжка, выпускницу журфака МГУ, журналистку, которая сотрудничает с рядом московских изданий. Точно знаю только про «Московский комсомолец». Интересует, кто она... Откуда взялась... Что за люди её окружают...

– У тебя с нею проблемы, Толик?

– Проблем нет. Но она проявляет интерес к клиенту и пытается войти в ближний круг его окружения.

– Я понял. К завтрашнему вечеру предварительную информацию по этой девице я тебе передам.

* * *

Телохранитель Китайгородцев: «Львиную долю работы охранной службы составляет наблюдение за ближайшим окружением клиента и отслеживание всех его контактов, особенно новых. Есть люди, которые находятся рядом с твоим клиентом давным-давно. Они уже проверены, просвечены, и с ними всё более-менее ясно. Труднее с новенькими. Они появляются, как правило, неожиданно, и службе безопасности часто не хватает времени отследить предысторию их появления.

Приходится копать быстро, но тщательно. Иногда всплывают очень интересные подробности. Например, кто-то специально внедряет своего человека в ближайшее окружение клиента. Целью может быть что угодно: от экономического шпионажа до ликвидации. Либо на клиента готовится компромат. В этом случае ему подставляется особа противоположного пола. А дальше уже дело техники. Техники аудио- и видеозаписывающей. Всех, кто проявляет к клиенту интерес, приходится просеивать через мелкое сито. Причем подозреваются все. Абсолютно. Исключений не делается ни для кого. Изначально каждый считается противником, и обратное доказывается только соответствующими результатами тщательной проверки. С точки зрения морали выглядит это, может быть, не слишком привлекательно. Но у телохранителя своя мораль. Особенная. В своде правил, которыми он руководствуется, первым пунктом значится: клиент всегда должен быть в безопасности».

* * *

Хамза позвонил во второй половине дня.

– Толик, я готов разговаривать с тобой о Марии Мостовой, двадцати двух лет, уроженке города Москвы...

– Как – Москвы? – удивился Китайгородцев.

– Другой Марии Мостовой у меня для тебя нет.

Ай да Маша! Ай да Мостовая! Китайгородцев даже развеселился. Неспроста он на эту девчонку обратил внимание. Действительно, штучка. В тот раз брякнула про Торжок, и ни Марецкий, ни Китайгородцев не заметили, что это у Маши такая изошренная форма издёвки.

– Выпускница журфака МГУ, – продолжал Хамза. – За сутки, как понимаешь, много накопать не смогли, но по состоянию на сегодняшний день ничего особо компрометирующего её не обнаружили. Журналистка, никто о ней ничего худого не говорит, о связях в криминальном мире не слышно, круг общения вполне благопристойный. Ксерокопии материалов, опубликованных в самых разных изданиях под её фамилией, мы сейчас для тебя готовим. Кажется, там нет ничего интересного. Обычная журналистская работа. Я попросил своего знакомого журналогу оценить опусы Мостовой, он почитал и выдал такое заключение: девушка не без способностей, но опыта у неё ещё явно маловато, это как в средней школе третьеклассник –

учится неплохо и пятёрки домой приносит регулярно, но астрономию и экономическую географию зарубежных стран ему ещё рано преподносить – не поймет, потому как не дорос.

– Значит, по ней ничего особенного?

– Торопись, дорогой, – попенял своему подчиненному Хамза. – Самое интересное я для тебя под занавес приберег. Установлено, что три недели назад Мария Мостовая совершила недельную турпоездку в город своей мечты Париж. Насчет города мечты – это я серьезно. До этого за границу она вообще не выезжала. А тут – сразу Париж, недельный тур обошёлся ей в девятьсот с небольшим долларов, а с собой она вывозила по банковской справке одну тысячу восемьсот пятьдесят долларов. Суммируем и получаем около трех тысяч «зеленью». И тут возникает такая коллизия. Родители у девушки – люди среднего достатка. Богатых родственников тоже не наблюдается. Спонсора, который мог бы оплатить недешёвую поездку, мы пока не обнаружили. И про крупный выигрыш в лотерею тоже ничего не слышно. У неё откуда-то вдруг появились деньги. Три тысячи долларов. И сразу после этого Мостовая нарисовалась рядом с твоим подопечным, с Марецким. Может быть, тут и нет никакой связи. Но история с невесть откуда появившимися у девушки деньгами лично меня настораживает. Толик, хочешь бесплатный совет человека, уже немало в этой жизни повидавшего?

– Хочу.

– До тех пор, пока мы все не выяснили, не подпускай ее близко к Марецкому.

Мог бы и не советовать. И так понятно.

* * *

Прогулочный теплоход стоял у причала близ Киевского вокзала. Гирлянды разноцветных лампочек, протянутые от носа до кормы, перемигивались, даря ощущение близкого праздника. Официанты сновали среди столиков, покрытых белоснежными скатертями.

– Погуляем, – беззаботно сообщил Марецкий.

Они с Китайгородцевым стояли у парапета набережной и наблюдали за тем, как к месту предстоящих событий съезжаются гости. Ожидался приезд, как обещал Марецкий, божественной Аллы со своим Филиппом и мэтра Кобзона. Ночная прогулка на теплоходе с неизменными шампанским и икрой проводилась в честь юбилея одного музыкального издания, поэтому приглашёнными были те, кто приносил девять десятых доходов российским звукозаписывающим компаниям. Этих людей Китайгородцев видел по телевизору. Сегодня он столкнулся с ними лицом к лицу.

– Пойдём? – предложил Марецкий, первым направляясь к трапу.

Здесь все были ему знакомы. Приветствия, полупоклоны, вежливые улыбки, узкий круг людей, которые знают друг друга давным-давно.

Китайгородцев стрелял взглядом по сторонам, просеивая толпу. Эстрадные звезды. Их спутники и спутницы. Журналисты. И еще непонятная публика, неизменный атрибут всех тусовок, на которых Китайгородцеву прежде доводилось бывать. Китайгородцев называл их прилипалами. С этими людьми всегда самые большие сложности. Не имеющие никакого отношения к происходящему действию, но зато обладающие феноменальными способностями проникать всюду, они оказываются даже на самых закрытых мероприятиях, действуя то ли из азарта, то ли из тщеславия, а может, преследуя какие-то корыстные интересы. Пьют дармовую водку и норовят держаться поближе к знаменитостям, нервируя охрану. Телохранители нутром чувствуют эту публику, их ненужность здесь. Никогда не знаешь, чего от этих людей можно ждать.

Вдруг он увидел Машу. Любительница прогулок по Парижу стояла у борта с фужером шампанского в руке и разговаривала с каким-то длинноволосым, типичным представителем музыкального племени. Маша что-то говорила ему и сама же над своим рассказом веселилась. Её собеседник отвечал ей залившимся смехом. Хорошо и беззаботно им жилось, даже

завидно. Неожиданно Китайгородцев увидел, как Маша, всё ещё смеясь, повела вокруг взглядом, скользнула им по Марецкому, не задержав на нём своего внимания. Что-то в её поведении подсказало Китайгородцеву, что присутствие на теплоходе композитора девушка зафиксировала.

И тут человек, стоявший у борта совсем недалеко от Маши и которого всё это время Китайгородцев видел только со спины, медленно повернул голову, провожая задумчивым взглядом пробирающуюся по забитой машинами набережной карету скорой помощи, и Китайгородцев тотчас же его узнал. Это был Костюков, его товарищ и коллега. Костюков выглядел таким отрешённо-задумчивым, что невозможно было заподозрить его в том, что рядом с Машей он оказался совсем не случайно. Китайгородцев благоразумно сделал вид, что Костюкова не узнал.

Теплоход отвалил от причала, унося на речную прогулку своих пассажиров. Солнце катилось к закату, от близкой воды было свежо, но свежесть эта представлялась приятной после бесчинствовавшего дневного зноя, все пили шампанское, градус общего настроения непрерывно возрастал, и только устроители, как показалось Китайгородцеву, пребывали в некотором унынии – главные гости сегодняшней вечеринки не прибыли.

Официанты метались по палубе, разнося спиртное. Марецкий взял с подноса фужер с шампанским, полюбопытствовал:

- А что, уважаемый, больших денег стоит ваш теплоход арендовать?
- Около двух тысяч за час, – сообщил официант.
- Долларов?
- Рублей.
- Рублей? – удивился подобной дешевизне Марецкий.
- Ресторанное обслуживание отдельно.
- Да-да, это я понимаю, – кивнул Марецкий, после чего задумался о чём-то своём. Может быть, тоже захотел арендовать теплоход?

Потом знакомые увлекли его в дальний угол палубы, где ширмочкой было отгорожено несколько столиков для самых дорогих гостей. Для Китайгородцева места там не нашлось. Марецкий махнул рукой, показывая, что на ближайшее время он в опеке телохранителя не нуждается. Китайгородцев всё-таки далеко не ушел, остался стоять у борта, контролируя на всякий случай подходы к импровизированной VIP-зоне.

- Привет! – сказала ему Маша.

Подошла неслышно и встала рядом. В вечерних сумерках её лицо казалось совсем детским.

- Здравствуй, – кивнул Китайгородцев. – Какими судьбами?
- Нелёгкая журналистская судьба забросила меня в этот вертеп, – рассмеялась Маша. – Мы же с тобой вроде как на работе.
- Твоей работе я завидую.
- Нечему завидовать.
- Работа – как отдых.
- Разве это отдых? Отдых – это когда ты плывешь на речном трамвайчике, а за бортом – не Москва-река, а Сена.
- Ты была в Париже?
- Меньше месяца назад, – сказала Маша с нескрываемой гордостью.
- Тогда понятно, – протянул Китайгородцев. – Романтическая поездка на двоих, ночные прогулки по Парижу...
- Ну что ты! Я летала в Париж одна!
- Неужели за свои деньги? – шутливо изумился Китайгородцев. – Я-то думал, ты хорошо устроилась...

– Упала кому-то на хвост, да? Сейчас таких рыцарей нет, – засмеялась Маша. – Женщинам приходится самостоятельно устраивать свой отпуск.

– Ты так много зарабатываешь? Я всегда считал, что журналистика – не самая высокооплачиваемая профессия.

– А это кому как повезет. Бывает, что журналисту перепадают очень даже денежные заказы.

Она сказала это совершенно спокойно. Так говорят люди, которым нечего скрывать.

– И как раз такой заказ тебе достался, – понимающе произнес Китайгородцев.

Ему нужно было продолжение этой истории. Истории поездки в Париж начинающей журналистки из бедной семьи, у которой к тому же не было богатого спонсора.

– Да, халтура подвернулась, – подтвердила Маша. – Ты сам-то много зарабатываешь?

– Мне хватает, – пожал плечами Китайгородцев.

– Сколько? Цифру можешь назвать?

– Не могу.

– Почему?

– Запрещено.

– Кем запрещено? Начальством?

– Условиями моего контракта. Там отдельным пунктом записано: данные о размерах заработка являются конфиденциальными и не подлежат разглашению.

– Жалко, – вздохнула Маша.

– Почему же?

– Мне очень интересно, сколько тебе платит Марецкий.

– А зачем?

– Я ведь собираю информацию о нём.

– Зачем? – повторил свой вопрос Китайгородцев.

– Для статьи.

– Ты собираешься и об этом написать?

– Пока не знаю. Говорю тебе: сейчас я просто собираю информацию.

«Собираю информацию» – это для Китайгородцева как красная тряпка для быка. Тревожный звонок.

* * *

Утром, когда рассвело, теплоход причалил к пристани у парка Горького. Нетрезвая публика вяло негодовала – многие оставили свои машины на стоянке возле Киевского вокзала, и теперь из-за организационных неурядиц им предстояло добираться до своих четырехколесных любимиц самостоятельно. Китайгородцев по мобильному вызвал из охранного агентства разъездную машину, и им с Марецким даже не пришлось ловить такси. Композитор ввалился в салон под завистливые взгляды менее удачливых участников ночной прогулки по реке, Китайгородцев услужливо захлопнул за ним дверцу, а сам сел на переднее сидение рядом с водителем.

– Вот теперь я оценил всю прелесть общения с тобой, – признался Марецкий. – Наконец понял, что телохранитель – это очень удобно и практично.

– Я хотел с вами поговорить, – сказал Китайгородцев.

– О чём?

– Об обстоятельствах, при которых рядом с вами появилась Маша Мостовая.

– И что же тебя интересует? – осведомился Марецкий.

Голос всё ещё беззаботный, но уже угадывается, что как раз на эту тему он не очень-то расположен рассуждать. То ли тема эта ему неинтересна, то ли есть какая-то другая причина.

– Я объясню, в чём дело, – сказал Китайгородцев.

Это всегда очень важно – в разумных пределах информировать клиента о том, что вокруг него происходит. Телохранитель и клиент всегда должны быть заодно. В одной связке, как альпинисты. Несогласованность действий может обоим стоить жизни.

– Мы всегда отслеживаем круг общения охраняемого лица. Это необходимо, Игорь Александрович. Потому что рядом в любой момент может оказаться тот, кто вынашивает недобрые замыслы...

– Это ты о Маше? – насмешливо осведомился Марецкий.

– Против неё нет ничего конкретного, – признался Китайгородцев. – Но я навёл справки, и открылось кое-что такое, что меня настораживает. О своих подозрениях я просто обязан вам сообщить.

– Что же там такого страшного? – перестал улыбаться Марецкий.

Он выглядел удивлённым в эту минуту.

Китайгородцев рассказал ему про поездку Маши в Париж, про то, что источник появления денег у этой девушки до сих пор не установлен, рассказал и про то, как Маша предлагала Китайгородцеву попить кофе...

– Она ищет подходы к вам, – расшифровал подоплеку Машиных поступков Китайгородцев. – Лично я ей сто лет не нужен. Маша ищет людей, которые могут быть ей полезны.

– Полезны – чем?

– Скорее всего, как источник информации.

– Обо мне?

– О вас.

– Всё правильно, – подтвердил Марецкий, заметно успокаиваясь. – Ничего странного я тут не вижу. Она ведь пишет обо мне статью.

– Она сама вышла на вас с предложением подготовить материал?

– Какая разница? – отмахнулся Марецкий.

– Разница есть, Игорь Александрович.

А у Марецкого, как было заметно, стремительно портилось настроение. Он уже не выглядел расслабленным и беззаботным, как ещё каких-нибудь пять или десять минут назад. Всё больше хмурился. Китайгородцеву даже показалось – ещё немного, и Марецкий, не сумев сдержаться, взорвётся. Наверное, не надо было сейчас с ним об этом говорить. Пройдёт немного времени, Марецкий успокоится, всё как следует обмозгует и сам к этой теме вернётся.

– Единственное, о чём я прошу, – мягко и примирительно произнёс Китайгородцев, – хотя бы на ближайшее время, пока мы всё досконально не выясним, откажитесь от любых контактов с Мостовой.

Вот тут Марецкий и взорвался.

– Ты не будешь мне указывать! – заорал он внезапно и так громко, что в ушах заложило. – И пошёл ты к черту со своими шпионскими историями! Я вышвырну тебя в два счёта, если ты будешь думать, что ты тут самый главный!

Он разозлился не на шутку и кричал, не выбирая выражений. Всё это время и Китайгородцев, и водитель сидели неподвижно, как истуканы, глядя на дорогу впереди себя, и только когда Марецкий, отбесновавшись, затих, водитель произнёс вполголоса:

– Извините, но так мы когда-нибудь попадём с вами в аварию.

* * *

Телохранитель Китайгородцев: «Я знаю, что нашим клиентам не нравится, когда мы пытаемся о них узнать больше, чем им хотелось бы.

А нам это нужно. Такая уж у нас специфика работы. Однажды я охранял человека, у которого была любовница. Обычное дело для наших бизнесменов. От жён своих они любовниц скрывают, от охраны, как правило, нет. Этот – скрывал. То ли стеснялся, то ли другие какие-то резоны у него были. Но мы о его увлечении знали. А поскольку ближайшее окружение клиента всегда просвечивается насквозь, то и за этой женщиной негласно присматривали. И вот она внезапно, в середине учебного года, отправляет за границу своего двенадцатилетнего сына. В сопровождении бабушки. Стали выяснять, в чём дело. И обнаружилось, что к той женщине приходили какие-то люди. Они не угрожали ей. И ничего не требовали. Просто дали понять, что знают о существовании её сына. Это раз. Знают о том, что она знакома с господином таким-то (то есть нашим клиентом). Это два. И единственное, что им нужно, – знать, когда ее друг вылетает из Москвы в Йоханнесбург. Это три. Женщина испугалась и отправила сына за границу от греха подальше. Возлюбленному своему она не сказала ни слова. Побоялась. Клиента нашего, кстати, никто не собирался убивать, как почти сразу выяснилось. Хотели всего лишь сорвать одну из его сделок. Но срыв имел бы для нашего клиента катастрофические последствия. Нам пришлось поработать с этой женщиной. Когда те люди пришли к ней, она назвала им дату вылета. Ту, которую мы ей подсказали. Но на самом деле наш клиент улетел в Южную Африку неделей раньше. Всё обошлось. Он, кстати, так и остался в неведении о тех событиях, что происходили вокруг него».

* * *

Пока Марецкий отсыпался после бессонной ночи, Китайгородцев отправился в «Барбакан». Костюков уже был там.

– Ты хотя бы предупредил, что тоже будешь на теплоходе, – попенял ему Китайгородцев.

– Толик, всё решилось в последний момент. Все претензии – к Хамзе.

Сам Хамза не заставил себя долго ждать. Лицо хмурое, в руках тонюсенькая папочка. Сел за стол, обвёл взглядом подчинённых.

– Ничего особенного по этой девчонке нет. По милицейским базам данных мы её проверили... По другим источникам...

Сделал неопределенный жест рукой.

– В общем – пустышка, – подвёл итог.

Это значит, что дальше этой Машей заниматься бессмысленно.

– Что у тебя? – обратился он к Костюкову.

– В штате ни одного из изданий она не состоит. Пишет время от времени материалы, приносит в редакцию, взяли – хорошо, не взяли – дальше идёт со своей писаниной. В общем, вольный стрелок. Сейчас, похоже, занимается только статьёй о Марецком. Сегодня ночью на теплоходе, по крайней мере, я от неё эту фамилию слышал не раз. С кем ни заговорит, непременно разговор сведёт к нашему клиенту. Девушка умная и на язык острая. Статейка та ещё получится.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Китайгородцев.

– Разденет она его, Толик.

– В смысле?

– В смысле – не комплиментарная статья получится. Пройдётся пигалица эта по Марецкому, как танк. Мало ему не покажется.

– Погоди-погоди! Ты уверен?

– Конечно. Вот она разговаривает с кем-то, ей про Марецкого гадость какую-нибудь скажут... Ну, это же наша тусовка эстрадная, гадюшничек такой, наш российский серпентарий. А она этого мимо ушей не пропускает. Напротив, проявляет живейший интерес. Вопросы уточняющие задает, комментарии требует. Всю грязь соберёт, а после её на голову героя выльет.

После этих слов Китайгородцев сломал с хрустом авторучку. Костюков и Хамза посмотрели на него вопросительно.

– Вся штука в том, – сказал Китайгородцев, – что Марецкий, судя по всему, ждёт статьи как раз комплиментарной.

Китайгородцев нащупал суть проблемы. Маша старательно окучивает окружение Марецкого, собирая материал для своей статьи, которая будет однозначно негативной.

Хамза пожал плечами.

– Ну, если так – я тут ничего особо страшного не вижу. Будь он банкир какой или, к примеру, политик – тогда да. А это публика такая: им плюй в глаза – всё божья роса.

В глубине души Китайгородцев был с ним согласен. Негативная информация о чьём-нибудь бизнесе порой способна этот бизнес разрушить. Компромат на политика может привести к его отставке. А у попсы голимой всё с точностью до наоборот. Скандалы вспыхивают один за другим, и никто не ропщет, никому хуже от этого пока не стало. Наоборот, дополнительная реклама.

– Всё-таки его надо поставить в известность, – сказал Китайгородцев.

– Да, действуй, – кивнул Хамза.

Это была часть их работы – следить за тем, чтобы по репутации клиентов не был нанесён внезапный удар.

* * *

Проснувшись, Юшкин обнаружил, что понятия не имеет о том, какой сегодня день недели. Это открытие несколько его не встревожило. За последний год он привык к тому, что запой – это всегда надолго. Было бы что выпить.

Он увидел своего собутыльника. Собутыльник странный, конечно. Не пьёт, а только подливает.

– Не спишь? – спросил у него парень.

Таиться было бессмысленно. Раньше встал – раньше опохмелился. Безотказный стимул.

– Не сплю, – отозвался Юшкин.

– Поднимайся, выпьем.

А на столе уже, действительно, стояла водка. И когда только этот парень успевает?

Юшкин лежал с закрытыми глазами и слушал, как булькает наливаемая в стакан жидкость. Эти звуки казались ему музыкой.

– Пей!

Парень поднес стакан к самому его носу. Юшкин выпил и даже не стал закусывать. Разве лекарство закусывают?

– Ещё? – спросил парень.

– Погоди. Вроде отпускает потихоньку.

Он почувствовал себя лучше. И мысли упорядочились. Уже не металась так беспорядочно-хаотично, как пять минут назад.

– Какой сегодня день? – спросил Юшкин.

– Четверг.

– А приехали мы когда?

– Какая разница? Давай ещё выпьем.

Юшкин даже не ответил. Он не помнил твёрдо, сколько здесь находится, но отдавал себе отчёт в том, что провёл в этом доме немало дней. Может быть, неделю. Или даже больше. И все это время безмятный и странный собутыльник поит его и кормит, ничего не требуя взамен и даже не рассчитывая, кажется, на банальное «спасибо».

А ведь его явно специально спаивают. Он не испугался этой мысли и не изумился. Просто принял как должное. Он им нужен. Всё-таки они до него добрались. Вот только теперь противный холодок появился в груди. И дрожь в руках. В общем, вычислили они его. Парень этот специально приставлен к нему. От этой мысли – снова в груди холодок. Не надо ему пить. Нельзя больше пить. Нет, немножко можно, конечно, но только для отвода глаз. Чтобы парень этот ничего не заподозрил. Потом сделать вид, будто заснул. Не может быть, чтобы этот парень не спал. Или не отлучался куда-нибудь. Надо дождаться удобного момента и дать дёру. А не то его, Юшкина, эти ребята в конце концов порежут на куски. Дождётся он. Допьётся.

– Давай выпьем! – произнес требовательно парень.

– Сейчас! – заторопился Юшкин. – Я вот только схожу прогуляюсь.

Парень вышел за ним следом. Каждый шаг под присмотром. А Юшкин, дурья башка, напивался в стельку, да еще и радовался, что ему всё подливают и подливают. Бесплатный сыр бывает где? Правильно, там, где тебя прищемят железкой.

– Тьфу, тьфу! – чертыхнулся он, ударив себя по щеке, а потом по лбу.

Комаров здесь видимо-невидимо. А людей нет. Сожрали их комары, наверное.

За все дни, которые Юшкин здесь провел, он изучил только один маршрут – двадцать шагов от дома до туалета и обратно. Видел ещё казавшиеся нежилыми домики за деревьями и совсем недавно обнаружил озерцо. Оно, оказывается, было совсем рядом, прямо за тем домом, в котором Юшкин ночевал. И ещё одно открытие сделал Юшкин – где-то поблизости была дорога, он явственно слышал, как одна за другой проехали две машины. На большой скорости. Значит, там не просёлок, а самое настоящее шоссе. А где шоссе – там люди. Если добраться до людей, ничего этот парень ему уже не сделает.

– Ты скоро?

– Иду-иду! – заторопился Юшкин.

Он услышал звук проезжавшей машины. «А ведь уходить надо прямо сейчас», – вдруг подумал он. До парня двадцать метров. Вроде как фора. Он помоложе, конечно, чем Юшкин, да и выглядит поздоровее, но шоссе где-то рядом, успеет Юшкин добежать. А там как повезёт. Если люди будут, ничего ему парень не сделает. Если даже они сцепятся, будет драка. Юшкин, может быть, его и одолеет. А в дом возвращаться нельзя. Опять его напоит этот вертухай. Надо уходить.

Но едва он сделал шаг в сторону, как парень крикнул:

– Стоять!

Юшкин замер как вкопанный. Потому что испугался так, что ноги отнялись. Но не крика испугался – у парня в руке был пистолет. Он сначала руку держал вроде как за спиной, а когда Юшкин дёрнулся, парень уже оружие не прятал.

– Иди сюда! – сказал.

Он так смотрел, что никаких сомнений не оставалось – застрелит в два счёта. Юшкин на ватных ногах шёл к нему, некрасиво кривился, будто собираясь заплакать, и бормотал потёрянно:

– Братаны! Нету у меня тех денег! Я же вам говорил! Ну, вот хоть на куски меня режьте!

* * *

Марецкий с Китайгородцевым ехали по загородному шоссе.

– Ты не сердись на меня, – сказал Марецкий.

Не попросил, а именно сказал. Разве барин о чём-нибудь просит свою челядь? Не графское это дело.

– Я не сержусь, – пожал плечами Китайгородцев.

– Не люблю, когда в мои дела кто-то лезет.

– При моей работе это неизбежно, – спокойно возразил Китайгородцев. Знаю, мол, что для вас это создает некоторые неудобства, но служба есть служба, понимать надо. – Есть подозрения, Игорь Александрович, что Мария Мостовая, собирая информацию о вас, особое внимание уделяет негативу. Вполне возможно, статью она напишет злую, со скандальным оттенком.

– Это невозможно! – отмахнулся Марецкий.

– У нас есть такая информация, – проявил неуступчивость Китайгородцев.

– Это невозможно, – повторил Марецкий. – Она не напишет обо мне ни одного худого слова, потому что ей, этой пигалице, выплачены авансом такие деньги, каких она ещё никогда не держала в руках.

– За что?

– За статью обо мне. И за то, что материал обо мне появится в конкретном издании, иллюстрированном еженедельнике, где у неё какие-то связи, где она гарантирует полное отсутствие проблем.

– И много она получила? – спросил Китайгородцев.

– Три тысячи я ей заплатил.

– Рублей?

– Долларов. Обычный белый пиар, распространение позитивной информации. Чтобы о тебе говорили хорошо, хотя бы вообще что-то говорили, приходится платить. Кто не платит, тот остаётся на обочине.

Вот и прояснилась ситуация с деньгами, которые вдруг появились у Маши Мостовой. Не бог весть какая журналистка, зато у неё какие-то концы в издании, представляющем интерес для Марецкого. Все объяснилось и выглядит логично.

* * *

Они приехали туда, где когда-то давно хозяйничали представители старинного рода Тишковых, но к развалинам родового имения подъезжать не стали, миновали деревню, взобрались на взгорок, где, видимые издали, на фоне безукоризненно синего неба чернели могильные кресты. У въезда на кладбище Марецкий попросил остановить машину.

Они пошли по кладбищу меж могил, в большинстве своем неухоженных и заброшенных. Памятников почти не было. Деревянные кресты, редко – железные. Фамилии на некоторых табличках уже не прочитать. Тлен и запустение. И только ближе к центру кладбища – вызывающе аккуратные памятники. Белый мрамор, имена усопших золотыми буквами: Тишков Петр Андреевич, Шахова (Тишкова) Мария Дмитриевна... Несколько памятников, все похожи друг на друга и поставлены совсем недавно. Площадка под них разровнена, лишний грунт сложен кучей на свободном месте. Какой-то мужичок с рулеткой бродил вокруг памятников. Увидел Марецкого, суетливо заторопился навстречу:

– Здравствуйте вам, Игорь Александрович!

Будь на голове у него картуз, как пить дать стал бы ломать перед барином шапку.

– Здравствуй, Степан, – отозвался Марецкий.

Ткнул невнимательно ладонь для рукопожатия.

– Ну, как тут?

– Справляемся, Игорь Александрович. Всё поставили, как вы велели.

– А вот крайний вроде косо стоит.

– Нет-нет, это кажется! – засуетился Степан. – Я вот вам сейчас отвесиком... Прямо вот чтобы вы глазомером вашим...

Тотчас же извлёк из кармана отвес, подбежал к последнему в ряду памятнику, застыл, давая возможность Марецкому лично убедиться в качестве работы.

Плита стояла ровно.

– Хорошо, – одобрил Марецкий. – Ты мне скажи, когда отсюда весь этот мусор вывезут? Чтобы здесь не позорно было родственников поминать.

– А вот к следующей неделе, – затараторил Степан. – Как, в общем, и договаривались с вами. Всё будет в лучшем виде. Вы даже не беспокойтесь, Игорь Александрович. Мы своё дело знаем.

– Дело знаете, а людей нет, – нахмурился Марецкий. – Где люди твои?

– Так это... – растерялся Степан. – Так отлучились... Придут... Как не прийти...

– Пьют? – строго спросил Марецкий.

– Так ить пятница, Игорь Александрович, – пробормотал несчастный Степан, совершенно уничтоженный необыкновенной прозорливостью барина.

– И что же, что пятница?! – осерчал Марецкий.

– Ну, как же, – бормотал Степан. – Завтра ж суббота... И воскресенье опять же... Выходные, в общем...

– Если не сделаешь к сроку – я тебе этого не спущу! – посулил Марецкий.

– Сделаю! – приложил руку к груди Степан, глядя на собеседника с той истовой честностью во взгляде, что выдает обычно человека необязательного и лживого. – Я и людям этим вашим сказал, которые приезжали...

– Каким людям?

– А вот в прошлом месяце от вас приезжали, интересовались тут всем.

– Да кто приезжал-то? – всё никак не мог взять в толк Марецкий.

– Ну, как же. Двое на большой машине. Очень вашими предками интересовались, спрашивали обо всём. Я-то думал, что от вас...

Китайгородцев видел выражение лица Марецкого и понимал, что тот не в курсе. Но ни о чём спрашивать его не стал.

* * *

Хамза внимательно следил за тем, как Китайгородцев на листе бумаги аккуратно вычерчивал схему. В центре небольшой круг – «Марецкий». Рядом ещё три кружка. Первый – «Развалины». Второй – «Музей». Третий – «Кладбище».

– Вот, – сказал Китайгородцев. – Есть три места, которые посещает потомок старинного рода Тишковых. Вот здесь, – ткнул в круг с надписью «Кладбище», – в том месяце появлялись люди, о которых Марецкому ничего не известно. Они очень интересовались историей рода и вообще всем, что связано с Тишковыми. Я при Марецком не стал спрашивать мужика, что с теми любопытствующими разговаривал, а расспросить бы его надо. У меня к вам просьба. Отправьте туда кого-нибудь из наших, того же Костюкова, например. Пусть он по всем этим местам проедет, поговорит с людьми.

– Думаешь, кто-то вокруг Марецкого крутится?

– Мужик этот на кладбище чётко сказал: приезжали и спрашивали. И я ещё одну историю вспомнил. Сначала внимания не обратил, а сейчас вот всплыло в памяти. Недавно мы были в тех краях, Марецкий нас с Машей возил к развалинам своего родового имения. Там к нему кто-то из местных подходил. Спросил тогда у нас: «Тоже любопытствуете?» Он сказал: «Тоже»! Понимаете?

– Ну и что? – пожал плечами Хамза.

– Это могли быть те же люди, – сказал Китайгородцев, – что и на кладбище приезжали. Пусть Костюков потопчется там, порасспрашивает. С мужиком на кладбище поподробнее поговорит. Косаря пусть разыщет. В музей обязательно заедет, где истории рода Тишковых посвящена целая экспозиция. Они и мимо музея никак не могли пройти.

– И что ты хочешь установить?

– Я хочу понять, действительно ли вокруг Марецкого кто-то крутится? Или это у меня просто паранойя?

– Да уж, ты с таким рвением ищешь врагов в окружении Марецкого, что, похоже, налицо все симптомы болезни.

Китайгородцев не обиделся. Подначивал его шеф. Это у Хамзы такая привычка: вроде как поднимает на смех, а на самом деле призывает: давай-ка, мол, братец, выкладывай свои резоны, обосновывай позицию, вижу, что ещё не всё выложил.

– Я так неистово ищу врагов Марецкого, потому что до сих пор не понял, для чего он нанял телохранителя. Либо это дешёвый выпендрёж, либо клиент ощущает угрозу собственной безопасности. Сам Марецкий считает, что опасность ему не грозит...

– Может, это действительно так?

– Может, и так. А может, и нет.

* * *

В парикмахерском салоне людей почти не было. Одиннадцать часов дня. Слишком рано для публики, которая сюда захаживает. Две девушки-работницы, одна клиентка в кресле, охранник на входе, женщина-кассир.

Марецкий был здесь частым гостем. Китайгородцев сел на диван в углу, откуда ему были видны входная дверь и кресло, в котором устроился его подопечный.

– Как твой киндер? – спросил Марецкий у девушки, которая начала колдовать над его причёской.

– В деревне он, у бабушки.

– Далеко?

– Ивановская область.

– Скучаешь?

– Скучаю. Сначала думала – вот и хорошо, что уехал, у меня ведь комната в коммуналке, никакой личной жизни. А уехал – я всего два дня продержалась.

– Ревёшь в подушку?

– Реву, – засмеялась девушка.

Охранник решал кроссворд. Здоровенный детина, уши по-боксерски приплюснуты, нос сломан. Пыхтит, хмурится, как школьник, которому не даётся задачка.

Смех. Смеялась девушка, которая стригла Марецкого. Наверное, он сказал ей что-то смешное.

Распахнулась входная дверь, в комнату ворвались трое: короткие стрижки, лица злые, в руках – обрезки арматуры. Охранника свалили сразу – накинудись на него разъяренной сворой, нанося удары металлическими прутьями. Завизжала одна из девушек.

* * *

Телохранитель Китайгородцев: «Из кобуры... Предохранитель...»

– На пол! Все – на пол! Стреляю!

«Марецкий... Бледен... Трое... Растеряны...»

– Лежать!

«Ствол пистолета – в лоб ближайшему... Один пятится к двери... На мушку...»

– Лежать!

«Не лягут... Не верят... Пол... Деревянный... Без рикошета... Можно стрелять... Под ноги... Этаж первый... Можно...»

– Лежать!

«Выстрел... Упали... Одновременно...»

– Вызывайте милицию! Живо!

«По стеночке... К Марецкому...»

– Лежать! Поубиваю!

«За ворот рубахи... Не до сантиментов... За мной... Бледный он очень... У входа могут быть сообщники...»

– Где у вас запасной выход?

«Дверь ногой... Оказывается, была закрыта... Коридор... Что здесь?.. Комната... Женщина...»

– Здесь выход?

– Да!

«Напугана... Пистолет в моей руке... Пистолет не прятать... Дверь... Двор... Проходной... К своей машине нельзя... Она у входа... Там могут быть сообщники... Машина... Дверца... Марецкого в салон... Водитель испуган...»

– Все нормально, мужик! Вперёд! Ты на пистолет не смотри, у меня на него разрешение есть.

И уже Марецкому:

– Нормально! Всё хорошо!

Волосы у Марецкого мокрые. Не достригли его. Вид диковатый, конечно. В другом месте теперь марафет наведёт.

– Вам теперь нельзя здесь появляться, – сказал Китайгородцев. – Забудьте про этот салон навсегда.

Могут ведь мстить, попадёт под горячую руку.

* * *

Степан, несмотря на ранний час, был уже сильно поддатым. Его Костюков распознал сразу – по словесному описанию, данному ему Китайгородцевым, хотя рядом сидели ещё три пьяных мужика.

– Ты Степан? – на всякий случай уточнил Костюков.

– Ну, допустим, я, – не очень уверенно подтвердил тот.

Чтобы мысли собеседника потекли в правильном направлении, Костюков показал ему своё удостоверение. «Ксива» была самой обычной. Из неё следовало, что Костюков является сотрудником частного охранного предприятия «Барбакан». Но на фотографии он красовался в милицейской форме. Фото сохранилось с тех давних уже пор, когда он служил в органах. Ход запрещённый, но действовало обычно безотказно.

– Поговорим? – предложил Костюков тоном человека, никогда в своей жизни не знавшего отказа.

Пошел по тропинке, уводя Степана прочь от его собутыльников. Степан послушно шёл следом, вздыхая от посетившего его расстройств чувств.

Шли мимо размытых дождями могильных холмиков, мимо неровно стоящих крестов, к машине, припаркованной у покосившегося забора.

– Садись!

– З-зачем? – испугался Степан.

Машина большая и роскошная. Он в таких и не сидел никогда.

– Садись!

Сел. Руки держит на коленях. Голову вжал в плечи. И спиртным от него разит за версту. Эх, матушка Россия!

– Сейчас расскажешь мне о людях, которые приезжали сюда в прошлом месяце. Те, которые про графа расспрашивали. Это ведь ты с ними разговаривал?

– Нет! То есть да!

– Послушай, – сказал Костюков. – Меня бояться не надо. Если ты обо всём толково расскажешь, я тебе ещё и литр водки поставлю. А если будешь бекать-мекать, вот тогда уж точно держись. Понял?

– Понял, – с готовностью кивнул Степан.

– Когда они приезжали?

– В прошлом месяце, вы же сами сказали.

– Число помнишь?

– Нет.

– А день недели?

– Не помню. Ну, в общем, после выходных.

– В понедельник?

– Не-а.

– Вторник?

– Может, вторник. А может, и среда.

– Среда – это разве после выходных?

– А у нас так: как пить кончили, на работу вышли, так, считай, выходные закончились.

– И что – бывает, что в среду только выходные заканчиваются?

– Ага.

– Хорошо живёте, – признал Костюков. – Широко. Даже завидно. Ну хоть начало месяца? Или конец?

– В конце это было. Не так давно, в общем.

– Дверцу открой, – попросил Костюков. – А то уже дышать нечем... Значит, приехали они...

– Ага, приехали.

– Сколько их было?

– Двое.

– Мужчины? Женщины?

– Мужики.

– Машина какая у них?

– Хорошая.

– Понимаю, что не «Запорожец». Марку можешь назвать? «Мерседес»? «Тойота»? Или ещё какая другая?

– Я не знаю. Но не наша.

– Не отечественная?

- Нет. Большая такая. Красивая.
- Цвет какой?
- Черный.
- Номер запомнил?
- Далеко она стояла. Не разглядел.
- Ладно. Они сами к тебе подошли?
- Ну! Я как раз землю там копал...
- На кладбище?
- На кладбище, ага. Памятники эти уже привезли, а ставить их нельзя, выравнять всё надо, потом там ещё кустарник... Ну, они подошли, сначала памятники смотрели, а я работал, мое дело какое... Потом ко мне подошли. «Ты местный?» – спрашивают. Ну, местный, допустим. Откуда же мне ещё взяться. У меня вон и родители тут похоронены. И дед с бабкой. И брательник мой. Я им и сказал: ясное дело, местный. А это, говорят, графьев Тишковых могилы? А хрен их знает. Это я им ответил. Может, и не их это могилы вовсе. Мне что? Скажи тут памятники поставить, я и ставлю.
- А раньше другие были памятники, что ли?
- Раньше совсем их не было.
- Но могилы-то были?
- Были.
- Графские?
- Говорю же – хрен их знает. Старые там могилы. Почти что ровное место. Никаких тебе крестов.
- А откуда знаешь, что именно там надо было памятники ставить?
- Во! – оживился Степан. – И те двое о том же спрашивали. А я им: ну откуда же мне знать? Мне сказали: тут ставить. Я и ставлю, моё дело маленькое.
- А кто сказал-то?
- Барин, ясное дело.
- Какой барин?
- Ну вот, приезжает тут один – Игорь Александрович.
- Марецкий?
- Марецкий, да. Он меня нанял, велел памятники ставить. Они тяжелые, попробуй-ка их поворочать. Сам не сподобился...
- Давай про тех двоих, – перебил Костюков. – Что ещё они тебе говорили?
- Шибко они этими могилами интересовались... Ну, где графья похоронены. Что, мол, да как.
- Точнее!
- Ась?
- Чем интересовались?
- Говорю же – могилками. Кто тут похоронен, когда. Я им как на духу сказал, что ничего не знаю. Могилкам, может быть, уже сто лет. Или больше. Откуда же мне знать, кто там похоронен? Они тогда с другого боку зашли. Кто, мол, помнит? Может, старики? Я им: пойдите, поспрашивайте.
- Ну, и как? Ходили они?
- Ходили. Мне потом наши рассказывали. Очень они о тех могилках любопытствовали. А им всё равно никто ничего не сказал. Нет, про то, что баре тут были Тишковы – это да, про это помнят. Имение их вон там, за лесочком было. И хоронили где-то тут, ясное дело. Где же их ещё хоронить? Не в чистом же поле. А уж эти могилы или другие какие – кто ж знает, если это было сто лет назад? В общем, уехали они и навряд ли что узнали.
- Сколько раз они приезжали?

– Я один раз видел. А там кто знает.

– Кроме могил, ещё что-нибудь их интересовало?

– Спрашивали, появлялся ли кто-нибудь до них тут, не любопытствовали ли.

– О чём?

– О Тишковых.

– Ну, и как?

– Да вроде не было. Буржуев-то ещё когда прогнали? Нас и не было тогда. Правильно? Так кому они нужны, эти Тишковы? Вот родственник приехал, Игорь Александрович – ему есть резон колотиться. Он наследник. Глядишь, всё к старому повернётся, ему эти земли отдадут. А другим зачем графья Тишковы?

– Понятно, – прервал тираду Костюков. – Ещё что-нибудь интересное расскажешь?

– Не-а.

– Тогда до свидания.

– Так это... – заволновался Степан. – Я насчет литры обещанной.

– У тебя дети есть?

– Есть, – сказал Степан. – Четверо.

Костюков открыл багажник машины, который служил ему филиалом домашнего бара и сильно облегчал процесс общения с противоположным полом, достал запаянную в пластик огромную коробку конфет.

– На, – сказал он. – Детям своим отдашь. А пить бросай, мужик. А то у нас уже не страна, а один большой вырезвитель. Всё, до свидания.

Нетрезвый Степан выбрался из салона.

– И не вздумай конфеты на самогон обменять! – крикнул ему вслед Костюков. – В следующий раз, когда приеду, у детей твоих спрошу! Если они конфет этих не увидят, я тебе башку откручу! Ты понял?

– Понял, – обречённо кивнул Степан. – Что же тут непонятного?

* * *

Сено скошено, но не собрано в стога. Рядом – развалины тишковского имения. Где-то здесь Китайгородцев, судя по всему, и видел косаря. Нашел его Костюков довольно быстро. Заехал в ближайшее село, спросил у местных, кто косил траву во-о-он в той стороне, и ему сразу же указали нужный дом.

Хозяину дома было немногим за сорок, звали его Сергей Сергеичем, во двор он гостя не пустил, вышел к Костюкову за ворота. Костюков продемонстрировал ему свое удостоверение.

– Ага! – сказал Сергей Сергеич. – Всё понятно!

Но в дом так и не пригласил.

– Мы тут разбираемся с одной историей, – туманно сообщил Костюков. – Дело важное. Нужна помощь.

И опять его собеседник повторил:

– Ага, всё понятно.

– Вы про развалины барского дома знаете, наверное. Там в последнее время люди разные крутятся. Приходилось, наверное, видеть?

– Нет! – тотчас же ответил Сергей Сергеич. – Не приходилось. Да и не бываю я там.

Костюков растерялся бы, наверное, если бы ему не доводилось с подобной публикой встречаться прежде. Поэтому он прибавил серьезности во взгляде и сказал тоном, каким директор школы обычно выговаривает проштрафившемуся сорванцу-пятиклашке:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.